

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭДМУНД
КРИСПИН

УБИЙСТВО
В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК

Золотой век английского детектива

Эдмунд Криспин

Убийство в магазине игрушек

«АСТ»

1946

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Криспин Э.

Убийство в магазине игрушек / Э. Криспин — «АСТ»,
1946 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-099697-1

Поэт Ричард Кадоган приехал в Оксфорд приятно провести время, но, заблудившись в первый же вечер, случайно зашел в магазин игрушек... где обнаружил труп пожилой женщины. Прибывшие на место преступления полицейские не нашли ни тела, ни самого магазина! Служители закона не поверили рассказу Ричарда. Однако его друг детства Джервейс Фен убежден: правда порой бывает невероятнее вымысла и куда опаснее...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-099697-1

© Криспин Э., 1946
© АСТ, 1946

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эдмунд Криспин

Убийство в магазине игрушек

*Не всяк пестрый праздник живых
Сравнится со зрелищем смерти.
Ч. Уэсли. Узрев мертвое тело¹*

Филипу Паркину в знак дружбы и уважения

Edmund Crispin
THE MOVING TOYSHOP

Печатается с разрешения The Estate of Rights Limited и литературных агентств The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency.

© Rights Limited, 1946

© Перевод. А. Калинина, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Случай с праздношатающимся поэтом

Ричард Кадоган поднял револьвер, тщательно прицелился и нажал на курок. Оглушительный звук выстрела заполнил маленький сад и, как расширяющиеся круги от камешка, брошенного в воду, разошелся постепенно затихающим шумом в пригороде, носящем название Сент-Джонс-Вуд. С черных деревьев, чьи листья переливались коричневыми и золотыми красками в лучах заходящего солнца, поднялись стайки вспугнутых птиц. Вдалеке залаяла собака. Ричард Кадоган подошел к мишени и изучил ее с разочарованным видом. На ней не было никаких отметин.

– Я промахнулся, – произнес он задумчиво. – Подумать только!

Мистер Споуд, представляющий издательство изысканной литературы «Споуд, Натлинг и Орлик», позвенел монетками в кармане брюк – надо полагать, для привлечения внимания.

– Пять процентов с первой тысячи, – сказал он. – Семь с половиной процентов со второй тысячи. Нам не продать больше. Аванса не будет, – он неуверенно кашлянул.

Кадоган вернулся на прежнее место, рассматривая револьвер, слегка нахмурившись.

– Не надо было целиться, конечно. Нужно стрелять от бедра, – произнес он. Наш герой был худ, с острыми чертами лица, надменно изогнутыми бровями и суровыми темными глазами. Но эта внешность, которая больше бы пристала кальвинисту, была обманчива, на самом деле это был дружелюбный, непритязательный, романтический человек.

– Это ведь вас устроит? – продолжал мистер Споуд. – Обычное дело. – Он опять нервно кашлянул. Мистер Споуд ненавидел разговоры о деньгах.

Согнувшись пополам, Кадоган усталился в книгу, лежавшую на сухой чахлой траве у его ног.

– «При стрельбе из пистолета, – провозгласил он, – стрелок всегда смотрит на предмет, в который целится, а не на пистолет». Нет, я хочу аванс. Пятьдесят фунтов по меньшей мере.

– С чего это вы так помешались на пистолетах?

Кадоган выпрямился со слабым вздохом. Он ощущал тяжесть каждого месяца своих прожитых тридцати семи лет.

– Послушайте! – воскликнул он. – Давайте-ка лучше будем с вами оба говорить о чем-то одном. Мы же не в пьесе Чехова. Кроме того, вы уклоняетесь от ответа. Я спрашивал об авансе за книгу – пятьдесят фунтов.

– Но Натлинг... и Орлик... – мистер Споуд беспомощно развел руками.

– И Натлинг, и Орлик – личности вымышленные от начала до конца, – Ричард Кадоган был тверд. – Это козлы отпущения, которых вы выдумали в оправдание собственной скупости и филистерства. Перед вами стоит один из трех наиболее известных, увенчанных всеобщим признанием ныне живущих поэтов, обо мне написаны три книги (все ужасны, но это не имеет значения), мне поют длинные дифирамбы во всех работах по литературе двадцатого века...

– Да, да, – поднял руку мистер Споуд, как будто хотел остановить автобус. – Конечно, вы чрезвычайно известны. Да, – он опять нервно кашлянул. – Но это не значит, что многие покупают ваши книги. Публика довольно-таки некультурна, а наша фирма не так богата, чтобы позволить себе...

– Я собираюсь в отпуск, и мне нужны деньги. – Кадоган отмахнулся от кружившего вокруг его головы комара.

– Да, конечно. Но, думается, еще немного текстов для танцевальных песенок, и...

– Позвольте мне доложить вам, мой дорогой Эрвин, – здесь Кадоган назидательно побарабанил пальцами по груди издателя, – что я застрял на два месяца, придумывая слова танцевальных песенок, потому что не мог подобрать рифму к «британский».

– «Хулиганский», – робко предложил мистер Споуд.

Кадоган смерил его презрительным взглядом.

– Не говоря уже о том, – продолжал он гнуть свою линию, – что мне осточертело зарабатывать на жизнь текстами песенок. Быть может, мне и следует служить опорой старику-издателю, – он опять побарабанил пальцами по груди мистера Споуда, – но всему есть предел.

Мистер Споуд обтер лицо носовым платком. Его профиль представлял собой почти идеальный полукруг: высокий покатый лоб незаметно сливался с лысой головой, нос загибался внутрь наподобие крючка, а подбородок, слабый и безвольный, утопал в шее.

– Может быть, – отважился он, – двадцать пять фунтов?..

– Двадцать пять фунтов! Двадцать пять фунтов! – Кадоган угрожающе помахал револьвером. – О каком отдыхе может идти речь при наличии лишь двадцати пяти фунтов? Я начинаю прокисать, мой дорогой Эрвин. Мне до смерти надоел Сент-Джонс-Вуд. У меня нет свежих идей. Мне необходимо переменить место – новые люди, впечатления, щекочущие нервы приключения. Как поздний Вордсворт², я живу на свой духовный капитал.

– Поздний Вордсворт, – хихикнул мистер Споуд и тут же осекся, заподозрив, что совершил бестактность.

Но Кадоган продолжал гнуть свою линию, несмотря ни на что:

– В сущности, я жажду романтики. Вот почему я учусь стрелять из револьвера. И вот почему мне, скорей всего, придется из него вас застрелить, если вы не дадите мне пятьдесят фунтов.

Мистер Споуд опасливо отступил назад. Кадоган продолжал:

– Я веду растительный образ жизни. Я преждевременно старею. Сами боги состарились, когда у них отняли Фрейю и некому стало ухаживать за золотыми яблоками³. Вы, мой дорогой Эрвин, должны были бы финансировать мне роскошные каникулы, вместо того чтобы мелочно препираться по поводу каких-то пятидесяти фунтов.

– Может быть, вы хотели бы провести со мной несколько дней в Кэкстонс-Фолли?

– А вы можете предоставить мне приключения, восторг, очаровательных женщин?

– Что за фантазии из плутовского романа, – сказал мистер Споуд. – Разве что мою жену... – Он, похоже, был бы не прочь пожертвовать своей женой ради возрождения к жизни выдающегося поэта, да и ради чего угодно и кого угодно еще, если на то пошло. Элси временами бывала крайне утомительна. – Кроме того, – продолжал он с надеждой, – есть еще эта поездка с лекциями в Америку...

– Я уже говорил вам, Эрвин, чтобы вы не заикались об этом снова. Я не могу читать лекции ни в коем случае, – с этими словами Кадоган стал широкими шагами ходить по лужайке. Мистер Споуд с грустью заметил небольшую проплешину в его коротко стриженных темных волосах. – У меня нет желания читать лекции. Я отказываюсь читать лекции. К чему мне Америка, когда меня тянет в Пуатем⁴ или Логрес⁵? Повторяю: я старею и теряю свежесть восприятия. Я стал расчетлив. Я проявляю осмотрительность. Сегодня утром я поймал себя на том, что плачу по счету, как только он пришел. Всему этому надо положить конец. Будь на

² Вордсворт У. (1770–1850) – английский поэт-романтик, представитель так называемой «озерной школы».

³ Отсылка к опере Р. Вагнера «Золото Рейна». Фрейя – в германском пантеоне богиня юности и красоты. Золотые яблоки, которые она растит, способны вернуть молодость. По вагнеровскому сюжету, Фрейю силой уводят у богов великаны Фафнер и Фазольт, надеясь получить за нее выкуп.

⁴ Пуатем – вымышленная местность на юге Франции (из романов в жанре фэнтези американского писателя Дж. Б. Кейбелла (1879–1958), составляющих цикл «Сказание о Мануэле»).

⁵ Логрес – легендарное царство короля Артура.

дворе другая эпоха, я бы пожирал сердца младенцев, только что вырванные из груди, лишь бы вернуть мою утраченную юность. А в наше время, – остановившись рядом с мистером Споудом, он хлопнул его по спине с таким энтузиазмом, что сей несчастный чуть не уткнулся носом в землю, – мне остается отправиться в Оксфорд.

– Оксфорд? Ах! – мистер Споуд вздохнул с облегчением. Он обрадовался этой временной передышке в приводящих его в замешательство деловых требованиях. – Очень хорошая идея. Я иногда жалею о том, что перевел свой бизнес в город, даже спустя год. Невозможно прожить там столько, сколько прожил я, и не испытывать порой ностальгии.

Он самодовольно похлопал себя по довольно кричащему жилету оттенка «лиловая петунья», обтягивающему его маленькую пухленькую фигурку, как будто это чувство каким-то образом делало ему честь.

– Еще бы вам ее не испытывать, – аристократические черты Кадогана исказила суровая гримаса, – «Оксфорд, ты – цвет всех городов»⁶. Или это был Лондон? Впрочем, какая разница.

Мистер Споуд нерешительно почесал кончик носа.

– Оксфорд, – продолжал нараспев Кадоган, – «град шпилей дремлющих»⁷, кукования кукушки, отзывающегося эхом, город колоколов в великом изобилие (так что иной раз и сосредоточиться трудновато), зачарованный жаворонками, опутанный сетями грачных стай, опоясанный реками. Вы когда-нибудь задумывались, насколько гений Хопкинса⁸ заключался в расстановке предметов в неправильном порядке? «Оксфорд – питомник юности цветущей»⁹. Нет, это был Кембридж, но все равно. Конечно, – Кадоган наставительно помахал револьвером перед носом перепуганного мистера Споуда, – я терпеть не мог этот город, когда был студентом: я считал его убогим, инфантильным, ограниченным и незрелым. Но я забуду об этом. Я вернусь с глазами, блестящими ностальгической слезой, и с восторженно разинутым ртом. И для всего этого, – его голос прозвучал осуждающе, – мне понадобятся деньги. – Сердце мистера Споуда екнуло. – Пятьдесят фунтов.

Мистер Споуд кашлянул:

– По правде говоря, я не представляю...

– Так насыдьте на Натлинга, отфутбольте Орлика, – с жаром произнес Кадоган. Он схватил мистера Споуда за руку. – Зайдемте-ка, обсудим это за выпивкой, чтобы успокоить нервишки. Бог ты мой! Я упакую багаж, сяду в поезд и снова приеду в Оксфорд...

И они это обсудили. Мистер Споуд был довольно-таки восприимчив к алкоголю, а кроме того, он не любил спорить о деньгах. Когда наконец он вышел, на корешке его чековой книжки значилась сумма в пятьдесят фунтов на предъявителя Ричарда Кадогана, эсквайра. Итак, поэт одержал победу в этом деле, что, впрочем, любой лишенный предрассудков сторонний наблюдатель мог бы предвидеть с самого начала.

Расставшись с издателем, Кадоган побросал несколько вещей в чемоданчик, отдал ряд строгих распоряжений своему слуге и немедленно отправился в Оксфорд, несмотря на то, что было уже половина девятого вечера. Так как ему не по карману было содержать машину, то он доехал до вокзала Паддингтон на метро и, проглотив в баре несколько пинт пива,

⁶ Искраженная цитата из стихотворения шотландского поэта эпохи Возрождения У. Данбара (1465–1530) «Ко граду Лондону» – «Лондон, ты – цвет всех городов...».

⁷ Эпитет «град дремлющих шпилей» принадлежит викторианскому поэту М. Арнольду (1822–1888), назвавшему так Оксфорд в своей элегии «Тирсис».

⁸ «... Кукования кукушки» – развернутый пересказ строки из стихотворения Дж. М. Хопкинса «Оксфорд Дунса Скотта». Поэзии Хопкинса свойствен сложный синтаксис и необычный порядок слов.

⁹ Стихотворение «Оксфорд, 30 мая 1820 года» У. Вордсворта открывается строкой: «О ты, святой питомник юности цветущей».

уселся в поезд в направлении Оксфорда. Его не смущало, что поезд не был скорым. Он был счастлив уже потому, что на некоторое время убегает от беспокойного и омерзительного ощущения внезапного наступления среднего возраста, опостылевшей жизни в Сент-Джонс-Вуд, от скуки литературных вечеринок и пустой болтовни знакомых. Несмотря на свою литературную славу, он вел одинокое и, как ему казалось иногда, «бесчувственное» существование. Разумеется, он не был столь уж большим оптимистом, чтобы верить в самой глубине души, что эти каникулы, их удовольствия и неприятности будут в корне отличаться от тех, которые он испытывал и прежде. Но ему было приятно убедиться, что он, оказываясь, не так глубоко погряз в благоразумии и разочарованности жизнью, чтобы стать совершенно невосприимчивым к сладким соблазнам перемен и новизны. Фэнд¹⁰ все еще манила его из белых гребешков океанской пены, за далекими горами все еще благоухали розовые сады гесперид, и девы-цветы пели в зачарованном саду Клингзора¹¹. Он весело засмеялся, вызвав настороженные взгляды попутчиков, а когда купе опустело, принялся распевать и дирижировать воображаемым оркестром.

В Дидкоте вдоль поезда прошел проводник, выкрикивая: «Все на пересадку!» Поэтому он вышел. Было уже около полуночи, но в небе светила бледная луна, над которой проплывали редкие рваные тучки. Наведя кое-какие справки, он узнал, что пересадка на Оксфорд должна быть скоро. Несколько пассажиров были его попутчиками. Они ходили взад и вперед по платформе, тихо, как в церкви, разговаривая, или, теснясь, сидели на деревянных скамейках. Кадоган присел на груды мешков с почтой, пока подошедший проводник не согнал его. Ночь была теплой и очень тихой.

Долгожданный поезд наконец медленно подошел к платформе, и пассажиры было вошли в него, но проводники снова закричали: «Все на пересадку!», так что им пришлось выбраться наружу и наблюдать, как в вагонах один за другим гаснут освещенные окна. Кадоган спросил у проводника, когда ожидается поезд на Оксфорд, но тот отослал его к другому проводнику. Сей авторитетный источник информации, обнаруженный за чаепитием в буфете, сообщил с довольно равнодушным видом, что этой ночью поездов до Оксфорда нет. Это вызвало возражения третьего проводника, который заметил, что поезд в 11.53 еще не пришел, на что проводник, пьющий чай, указал на тот факт, что со вчерашнего дня этот поезд вообще отменен навсегда. Он несколько раз сильно ударил кулаком по столу для вящей убедительности своих слов. Третий проводник все равно остался при своем мнении. Маленький паренек с сонными глазами был тем не менее откомандирован спросить у машиниста только что прибывшего поезда об этом составе, и тот подтвердил, что поездов до Оксфорда этой ночью больше не будет.

– Да к тому же, – добавил мальчишка малоутешительный факт, – все автобусы прекратили движение уже два часа назад.

Перед лицом таких неприятностей энтузиазм Кадогана по поводу его каникул начал было угасать, но он моментально заставил себя забыть об этом чувстве как о постыдном, ведь желание комфорта и покоя свойственно среднему возрасту. Другие пассажиры с недовольным ворчанием удалились в поисках мест в гостинице, а он решил, оставив багаж, направиться по дороге, ведущей в Оксфорд, в надежде поймать припозднившуюся легковую машину или грузовик. Шагая по дороге, наш герой с восхищением смотрел, как преобразает тусклый, бесцветный лунный свет безобразные кирпичные домики с крошечными асфальтовыми дорожками, железными оградами и кружевными занавесками и мрачные окна методистских церквей. В то же время он ощутил какое-то странно холодное воодушевление,

¹⁰ Фэнд – древнеирландская богиня моря.

¹¹ Злой волшебник Клингзор – персонаж оперы Р. Вагнера «Парсифаль». Клингзор не был принят в число рыцарей, охраняющих священный Грааль. По воле отвергнутого Клингзора близ замка рыцарей Грааля выросли волшебные сады, населенные девами-цветами, которые должны были манить своими чарами рыцарей.

– Спокойной ночи! – отозвался водитель. – Как кобель! Ну надо же! Это здорово, доложу я вам! – С этими словами он завел мотор, который взревел со звуком, напоминающим трубный клич слона, крушащего дерево, и уехал, громко хохоча.

Перекресток с редкими огнями показался очень пустынным после того, как затих звук удаляющегося грузовика. Кадоган вдруг осознал, что не знает, где будет спать в эту ночь. В гостиницах наверняка никого нет, кроме ночных портье, а колледжи закрыты. Внезапная мысль вызвала улыбку на его лице. Все это не имеет никакого значения в Оксфорде. Ему стоит только перелезть через стену своего колледжа (что он неоднократно проделывал в былые годы, бог свидетель) и улечься спать на кушетку в чьей-нибудь гостиной. Никто не обратит на это никакого внимания, владелец гостиной не удивится и не рассердится. Оксфорд – единственное место в Европе, где можно вести себя сколь угодно эксцентрично и при этом не вызвать никакого интереса или всплеска эмоций у окружающих. «В каком еще городе, – спросил сам себя Кадоган, припоминая свои студенческие годы, – ты можешь в полночь обратиться к полицейскому с рассуждениями об эпистемологии, не вызвав у того ни возмущения, ни подозрительности?»

Он отправился в путь, пройдя мимо магазинов, мимо кинотеатра, перейдя дорогу по светофору, и дальше вниз по длинному извилистому спуску. Сквозь просветы в деревьях стали проступать очертания Оксфорда – в этом неярком лунном свете выплывал подводный город, его башни и шпили вставали как призраки, как памятники затерянной Атлантиды, «что спит на дне морском». Крошечный желтый огонек сверкнул на несколько секунд, помигал и погас. В неподвижном воздухе его ухо едва уловило одинокий удар колокола, пробившего час ночи. За ним последовали удары других колоколов, отзвуки которых сливались на мгновение в призрачный аккорд, словно звонили колокола затонувшего собора из бретонского мифа¹⁴, на мгновение поколебленные течениями глубоких зеленых вод, и затем наступила тишина. Ощувив неясный прилив радости, он ускорил шаги, тихонько напевая. Голова была свободна от всяких мыслей: он лишь смотрел по сторонам и любовался тем, что видел. В пригороде Оксфорда Кадоган немного растерялся и потратил несколько минут на то, чтобы опять выйти на правильную дорогу. Куда он попал: на Иффли-роуд или на Каули-роуд? Ему никогда не удавалось удержать в памяти отличие их друг от друга еще в студенческие годы. Не важно, в конце должен был быть Модлин-бридж, а за ним Хай-стрит¹⁵ и, наконец, колледж Сент-Кристоферс, названный так в честь святого Христофора, покровителя путешественников. Он ощутил некоторое разочарование при мысли о том, что его путешествие окончится без особых приключений.

По дороге из Хедингтона ему не встретилось ни единого пешехода, ни одной машины, а в этом респектабельном и довольно безвкусном квартале Оксфорда обитатели давным-давно уже отправились почивать. Улица с рядами магазинов по обеим сторонам, длинная и пустынная, тянулась перед ним. Легкий ветерок, поднявшись, порывами задувал за углы зданий и слегка шевелил белый тент перед входом в магазин, который забыл опустить нерадивый лавочник. Кадоган на ходу невольно задержал свой взгляд на нем просто потому, что это было единственное, что привлекало внимание на этой пустой улице, и, подойдя поближе, поискал имя владельца, но его не было видно из-за тента. Затем он осмотрел сам магазин. Жалюзи на окнах были опущены, так что он не мог разглядеть, чем здесь торговали.

¹⁴ Имеется в виду фортепьянное произведение К. Дебюсси из цикла «Двенадцать фортепьянных прелюдий» (1910–1913). Одна из этих прелюдий называлась «Затонувший собор». Она воплощает сюжет популярной бретонской легенды о затонувшем соборе, скрытом в морских глубинах. Основная тема прелюдии – тема всплывшего собора – представляет собой величавый хорал: глубокий бас имитирует звон колокола.

¹⁵ Иффли-роуд и Каули-роуд – улицы Оксфорда (в 30-е гг. еще его окраина), Хай-стрит – главная улица Оксфорда, Модлин-бридж – мост через реку Чаруэлл, ведущий из центра Оксфорда, от Модлин-колледжа, откуда мост берет свое название, к Плейн – развилке нескольких дорог на тогдашней окраине города.

Движимый праздным любопытством, он медленно приблизился к двери и тихонько толкнул ее. Она открылась.

Вот теперь он остановился в задумчивости. Это было так необычно, особенно для торговца – оставить магазин незапертым в ночное время. С другой стороны, было очень поздно, и если в лавку забрались воры, хозяину здорово не повезло, но это, безусловно, не его, Кадогана, дело. Возможно, хозяин живет над магазином. В таком случае, вероятно, он будет благодарен, если его разбудят и поставят в известность, а может быть, и нет. Кадоган испытывал ужас перед вмешательством в дела других людей, но в то же время он был любопытен.

Отступив назад, на улицу, он некоторое время внимательно разглядывал слепые, невыразительные окна над тентом, а затем, внезапно решившись, вернулся к двери. В конце концов он пустился в путешествие в погоне за вдохновением, а дверь магазина, если и не была вступлением к роману, тем не менее таила за собой загадку, достаточно необычную, чтобы исследовать ее. Он решительно толкнул ее и тотчас же ощутил, как стукнуло сердце, когда она громко скрипнула. Возможно, он поймает взломщика, но еще более вероятно, что его самого арестуют как такового. Он как только мог осторожно закрыл за собой дверь и постоял неподвижно, прислушиваясь.

Все тихо.

Луч его фонаря выхватил из темноты обычную обстановку маленького магазина игрушек с прилавком, кассовым аппаратом и игрушками, выстроившимися в ряд: наборы конструкторов «Меккано», паровозики, куклы и кукольные домики, разноцветные кубики и оловянные солдатики. Он двинулся дальше, проклиная свое безрассудство, и ухитрился довольно шумно споткнуться о коробку с большими воздушными шарами (ненадутыми), его запинка в тишине отозвалась в ушах настоящим взрывом.

Он опять застыл на месте, затаив дыхание.

Тихо по-прежнему...

По ту сторону прилавка виднелись деревянные ступени, ведущие наверх к какой-то двери. Он, крадучись, вошел в эту дверь и очутился в начале короткого лестничного пролета, потертые крутые ступеньки вели на следующий этаж. Кадоган карабкался по этим скрипучим ступеням, все больше проклиная себя в душе, ударяясь и спотыкаясь. Совершенно измученный и взвинченный, он наконец очутился в коротком коридоре, пол которого был покрыт линолеумом, а по обеим сторонам располагалось по две двери и одна в самом его конце. Теперь он почти обреченно приготовился к появлению рассвирепевшего домовладельца с ружьем на изготовку и старательно изобретал объяснения, способные того успокоить. В конце концов, вполне резонно, что любой, обнаружив дверь магазина открытой, должен был бы войти и убедиться, что не произошло ничего плохого... Хотя нет, вряд ли поверят: ведь он так старался не шуметь, пусть из этого ничего и не вышло.

Но все же по-прежнему его окружала глухая тишина.

– Смешно, – сурово сказал сам себе Кадоган, – комнаты при входе, наверное, гостиные. Ты войдешь в одну из них и убедишься, что все в порядке. Тем самым требования чести будут исполнены, и тогда самое лучшее, что ты можешь сделать, это унести ноги, да побыстрее.

Набравшись мужества, он тихонько шагнул вперед и повернул круглую ручку одной из дверей. Маленький белый кружок света от его фонарика заплесал на плотно задернутых занавесках, на дешевом лакированном буфете, на радиоприемнике, на столе, на неудобных кожаных креслах с большими шелковыми подушками кричащих тонов, оранжевого и лилового; на голых, не украшенных картинами стенах, оклеенных обоями... Точно – гостиная. Но было еще нечто в этой комнате, что вызвало у него шумный вздох облегчения и позволило немного расслабиться. Затхлый запах плесени и пыли, толстым слоем покрывавшей все предметы обстановки, свидетельствовал о том, что квартира была необитаема некоторое

время. Он сделал шаг вперед и, споткнувшись обо что-то, осветил фонариком под ноги. Тихонько свистнув, он несколько раз пробормотал: «Ну и ну...»

Потому что то, что лежало на полу, было телом пожилой женщины. И, вне всякого сомнения, она была мертва.

Как ни странно, это его не удивило: фантом обрел очертания, мистическая привлекательность пустого магазина игрушек больше не дразнила его воображение, найдя объяснение. Но тут он себя одернул: при виде тела, лежавшего на полу, рассуждать наобум не следовало. Осознавая, что света карманного фонарика недостаточно, он вернулся к двери и попытался включить свет, но ничего не получилось, так как под дешевым абажуром с оборочками не было лампочки. Кажется, он видел свечу на столике в коридоре? Да, она была на месте, и ему не составило труда зажечь ее. Он оставил фонарик на столике и, вернувшись в гостиную, установил свечу на полу рядом с телом женщины.

Она лежала на правом боку, ее левая рука была откинута назад, под стол, а ноги вытянуты вперед. Женщина лет шестидесяти, заключил он, так как волосы были почти полностью седыми, а кожа на руках морщинистая и коричневатая. На ней было твидовое пальто и юбка с белой кофточкой, подчеркивающей ее полноту, грубые шерстяные чулки и коричневые туфли. На левой руке нет кольца, да и грудь плоская, можно было подумать, что она была незамужней. Рядом с ней, в тени от стола, что-то белело. Кадоган поднял клочок бумаги, на котором карандашом наклонным женским почерком был нацарапан какой-то номер. Потом он снова взгляделся в лицо женщины.

Зрелище было не из приятных: оно было темно-фиолетового цвета, так же как и ее ногти. В углу приоткрытого рта, в глубине которого поблескивала золотая пломба, скопилась пена. В шею врезался тонкий шнур, крепко стянутый сзади. Он так глубоко утонул в складках плоти, что его почти не было видно. На полу возле головы застыла лужица крови. «Результат резкого удара ниже макушки», – понял Кадоган. Он пощупал кости черепа, но, насколько он мог судить, они не были сломаны.

До этого момента им руководило всего лишь бесстрастное детское любопытство, но прикосновение к трупам резко привело его в чувство. Кадоган поспешно обтер свои пальцы от крови и выпрямился. Он должен добраться до полиции как можно быстрее. Что еще стоило заметить? Ах да! Золотое пенсне, разбитое, рядом с ней на полу... Тут он внезапно застыл на месте, нервы напряглись, как провода под током.

Какой-то звук донесся из коридора.

Еле слышный, неопределенный звук, но сердце учащенно забилось, а руки задрожали. Станным образом до сих пор ему не приходило в голову, что убийца этой женщины мог все еще находиться в доме. Обернувшись, он пристально вглядывался в темноту за полуоткрытой дверью и ждал, застыв на месте. Звук не повторился. В этой мертвой тишине часы на его запястье тикали, казалось, так громко, как кухонный таймер. Он понимал, что если кто-то там есть, то все решают выдержка и нервы: тот, кто шевельнется первым, уступит преимущество противнику. Минуты тянулись бесконечно долго: три, пять, семь, девять, – словно космические зоны. И благоразумное терпение начало истощаться. Какой-то звук? Ну и что? Дом, словно остров Просперо¹⁶, был «полон шумов». В любом случае что пользы стоять в неестественной позе, словно восковая фигура? Вдобавок мышцы ныли от неподвижности, и наконец он пошевелился, взяв свечу со столика и с величайшей осторожностью вглядываясь в коридор.

Коридор был пуст. Другие двери по-прежнему закрыты. Его фонарь стоял на столе, там, где он его оставил. Нужно выбраться из этого отвратительного дома как можно быстрее

¹⁶ Шекспир У. Буря. Акт 2. Сцена 2: «Не бойся, этот остров полон шумов и звуков, нежных, радостных, невнятных порой». Пер. М. Кузмина.

и добраться до полицейского участка. Он взял фонарик, задул свечу и поставил ее на место. Щелчок кнопки, и...

Фонарь не зажегся. Полминуты Кадоган яростно, но безрезультатно сражался с фонарем, пытаясь зажечь его, пока наконец не понял, в чем дело: фонарь в его руке казался непривычно легким. С тяжелым предчувствием он открутил донышко в поисках батарейки. Она исчезла.

Оказавшись в ловушке темного, как деготь, пахнущего плесенью коридора, Кадоган внезапно потерял самообладание. Он слышал мягкий глухой звук приближающихся шагов. Он помнил, как вслепую запустил на звук пустым фонарем и как тот ударился о стену. И скорее почувствовал, чем увидел, яркий луч света, вспыхнувший за его спиной. Затем – тупой, чудовищный удар, от которого его голова, казалось, взорвалась вспышкой ярко-красных слепящих искр; он слышал пронзительный взвизг, словно ветер в проводах, и последнее, что он видел: ярко-зеленый шар, крутящийся и уменьшающийся до полного исчезновения в чернильной темноте.

Он очнулся с раскалывающейся от боли головой и неприятным вкусом в пересохшем рту и через минуту встал, пошатываясь, на ноги. Накативший приступ тошноты заставил его опереться о стену, тупо бормоча что-то себе под нос. Немного погодя в голове прояснилось, и он смог осмотреться вокруг. Он находился в маленькой, чуть больше чулана, комнате, набитой разными средствами для уборки: здесь были ведро, швабра с тряпкой, щетки и жестянка с мастикой. Слабый свет, проникавший через маленькое окно, заставил его взглянуть на часы. Половина шестого. Он был без сознания четыре часа, и сейчас уже начинало светать. Почувствовав себя немного лучше, он осторожно тронул дверь. Она была заперта. Но окно! Он не верил своим глазам: окно было не только не заперто, оно было открыто. Он с трудом забрался на какой-то ящик и выглянул наружу. Комнатка находилась на нижнем этаже, и перед его глазами лежала узкая полоска пустынного, заброшенного сада, по обеим сторонам которого тянулась деревянная крашенная олифой изгородь, кончавшаяся полуоткрытой калиткой. Даже при его нынешней слабости выбраться наружу не составило никакого труда. За калиткой на него опять накатил приступ тошноты, рот наполнился слюной, и его сильно вырвало. Но это принесло облегчение.

Поворот налево, и вот переулок, который вывел его обратно на дорогу, вниз по которой он шел четыре часа назад. Да, несомненно, это была та самая дорога, и через три магазина был тот самый магазин игрушек, он сосчитал, на стороне, ближайшей к Модлин-бридж. Помедлив немного, только чтобы запомнить приметы и место, он поспешил прочь по направлению к городу и полицейскому участку. Светлело, и Кадоган увидел табличку с надписью «Иффли-роуд», когда вышел на перекресток, где была каменная поилка для лошадей. Да, это было то самое место. Дальше Модлин-бридж, серый и широкий, и безопасность. Он оглянулся и убедился, что за ним никто не идет.

Оксфорд встает поздно, кроме Майского утра¹⁷, и единственный человек, встретившийся ему, был молочник. Он довольно равнодушно взглянул на окровавленного и растрепанного Ричарда Кадогана и отвернулся, вероятно приняв его за припозднившегося гуляку. Серая прохлада начинавшегося дня омывала стены Куинз-колледжа и Университи-колледжа¹⁸. Луна прошедшей ночи, как тусклая монета, все еще виднелась в утреннем небе. Воздух был свеж и приятно ласкал кожу.

¹⁷ Майский день – традиционный праздник наступления весны, когда население Оксфорда собирается у колокольни Модлин-колледжа, с которой певчие колледжа исполняют евхаристический гимн, сочиненный его преподавателем в XVII в. Это происходит в 6 часов утра 1 мая. Модлин-бридж перекрывают для движения транспорта с 4.30 до 9 утра, чтобы люди могли петь, танцевать и веселиться, отмечая приход весны. Некоторые отчаянные головы прыгают с Модлин-бридж в реку.

¹⁸ Куинз-колледж, Университи-колледж – колледжи на центральной улице Оксфорда – Хай-стрит.

Голова Кадогана хотя все еще чертовски болела, теперь, по крайней мере, приобрела способность думать. Полицейский участок, припоминал он, находился на Сент-Олдейтс, где-то возле почты и здания муниципалитета, как раз там, куда он и шел. Но вот что озадачило его: в кармане он обнаружил свой фонарь с батареей и, более того, бумажник с чеком мистера Споуда в целости и сохранности. Да, напавший на него проявил чуткость... Затем он вспомнил старую женщину со шнурком вокруг шеи, и чувство благодарности мгновенно исчезло.

В полиции его приняли как нельзя более любезно и радушно. Его довольно-таки бес-связную историю выслушали, не прерывая, и задали несколько дополнительных вопросов о нем самом. Затем дежурный сержант ночной смены, крепкий краснолицый мужчина с широкой полоской черных усов, сказал:

– Что ж, сэр, лучшее, что мы можем для вас сейчас сделать, – это перевязать вашу рану и дать вам чашечку горячего чая и аспирин в придачу. Вы, должно быть, чертовски плохо себя чувствуете?

Кадогана немного раздражала его неспособность понять всю срочность дела:

– Разве я не должен немедленно проводить вас на то место?

– Послушайте: если вы были без сознания целых четыре часа, как вы говорите, вряд ли стоит ожидать, что они оставили тело лежать там, дожидаясь нас, как вам, может быть, кажется. Так, значит, комнаты наверху пустуют?

– Мне так показалось.

– Ну вот. А это значит, что мы можем легко попасть туда прежде, чем магазин откроют, и осмотреть помещение. Вот ваш чай, сэр, и аспирин. Вам бы отдохнуть не помешало.

Он оказался прав. Отдых, чай и мазь, которой смазали его расшибленную голову, а главное, бодрая надежность окружавших его полицейских принесли Кадогану облегчение. Воспоминание о жажде щекочущих нервы приключений, о которой он толковал мистеру Споуду в своем саду в Сент-Джонс-Вуд, вызвало у него теперь суховатую усмешку. Да, он уж хлебнул их достаточно, решил он, вполне достаточно. Он не подозревал, возможно к счастью для себя самого, что еще ему предстояло.

Уже совсем рассвело, и многочисленные башенные часы Оксфорда как раз звонили 6.30, когда они сели в полицейскую машину и поехали обратно по Хай-стрит. Тот же молочник, еще не закончивший свою работу, с мрачной усталостью покачал головой при виде Ричарда Кадогана, который, словно восточный владыка, восседал в тюрбане из бинтов посреди полицейского эскорта. Но Кадоган не обратил на него внимания. Он на какое-то время отвлекся от размышлений о роковом магазине игрушек, наслаждаясь пребыванием в Оксфорде. Прежде ему почти не хватало времени оглядеться вокруг, но теперь, сидя в машине, плавно мчавшейся среди величественных улиц по направлению к высокой башне Модлин-колледжа, он буквально упивался очарованием этого места. Ну почему, почему, ради всего святого, он не жил здесь? А погода сегодня снова обещала быть хорошей.

Проехав по мосту, они оказались на том перекрестке, где стояла каменная поилка для лошадей, и нырнули в Иффли-роуд. Вглядываясь в ряды домов, Кадоган заметил:

– Так-так! Они подняли тент!

– Вы уверены, что это то самое место, сэр?

– Конечно. Напротив церкви из красного кирпича. Как там она называется? Нонконформистская, что ли...

– А это, сэр? Это, надо думать, баптистская.

– Ну вот, водитель, здесь можно остановиться! – взволнованно воскликнул Кадоган. – Вот справа церковь, вот улочка, по которой я вышел, и тут...

Полицейская машина тем временем заехала на край тротуара. Наполовину приподнямаясь с сиденья, Кадоган вдруг застыл на месте, уставившись на магазин. Перед ним в вит-

рине были выставлены в образцовом порядке консервы, мука, банки с рисом и чечевицей, прочей бакалеей и бекон. Это был, как гласила надпись: «Торговый дом Уинкворт. Бакалея и продовольствие».

Он растерянно озирался по сторонам. Аптека, магазин тканей. Дальше с правой стороны: мясник, булочник, магазин канцелярских принадлежностей; и слева: торговля зерном, шляпный магазин и еще одна аптека...

Магазин игрушек исчез.

Глава 2

Случай с нерешительным доном¹⁹

На смену серенькому рассвету пришло золотое утро. Листья уже начинали опадать с деревьев в парках и на Сент-Джайлс²⁰, но все же старались держаться на ветках, переливаясь бронзовыми, желтыми и темно-коричневыми оттенками. Серый лабиринт Оксфорда, ибо с высоты он более всего напоминал лабиринт, начал приходить в движение. Первыми появились на улицах студентки: группки велосипедисток, мантии на которых казались чем-то диким, неслись по улицам, прижимая к себе многослойные папки, или толкались перед входами в библиотеки, ожидая, пока те откроются и снова допустят их изучать божественные тайны, коими окутаны вопросы христианского элемента в «Беовульфе», датировка Уртристана²¹ (если таковой вообще существует), сложности гидродинамики, кинетическая теория газов, закон о правонарушениях или расположение и роль паразитовидной железы. Мужчины появлялись позже, надев брюки, пальто и шарф поверх пижамы, ленивой походкой плелись через квадратные внутренние дворики колледжей ставить подпись в списках и так же лениво возвращались обратно, к постели. Студенты-художники появлялись на улице, смиряя свою плоть в поисках хорошего освещения, ускользающего и недостижимого, почти как чаша Грааля. Проснулся и коммерческий Оксфорд, открылись магазины и появились автобусы, улицы были переполнены транспортом. По всему городу, в колледжах и на башнях зашумели, зазвенели часовые механизмы, отбивая девять часов сумасшедшими неровными синкопами, вразнобой по времени и по тембру.

Нечто красное выскочило на Вудсток-роуд.

Это была очень маленькая, шумная и потрепанная спортивная машина. По ее капоту шла небрежно нацарапанная белая надпись «Лили Кристин III». Обнаженная хромированная фигурка, страдающая стеатопигией²², наклонялась вперед под опасным углом на крышке радиатора. Машина доехала до пересечения Вудсток-роуд и Банбери-роуд, резко свернула налево и въехала на частную дорогу, ведущую к колледжу Сент-Кристоферс – святого Христофора, покровителя путешественников (для непосвященных следует сообщить, что Сент-Кристоферс расположен в непосредственной близости от Сент-Джонс). Затем она въехала в кованые железные ворота и на скорости около сорока миль в час покатила по подъездной аллее, вымощенной гравием и окаймленной лужайками и кустами рододендронов, которая оканчивалась чем-то вроде неопределенной петли, в которой было совершенно невозможно повернуть машину. Было очевидно, что водитель не мог управлять машиной должным образом. Он отчаянно сражался с рычагами. Машина направилась прямо к окну, сидя у которого президент²³ колледжа, худощавый, сдержанный мужчина с мягкими манерами эпикурейца, принимал солнечные ванны. Осознав опасность, он с панической поспешностью ретировался. Но машина миновала стену его покоев и промчалась до конца подъездной аллеи, где водитель, до предела вывернув руль и повредив край травяного газона, наконец справился с управлением, заставив машину повернуть. К этому моменту, казалось, уже ничто не могло остановить его стремительное движение задним ходом по пути, которым он приехал, но, к

¹⁹ Дон – преподаватель Оксфордского или Кембриджского университета (*от лат. dominus* – господин).

²⁰ Сент-Джайлс – улица, ведущая из центра на север Оксфорда.

²¹ «Уртристан» – гипотетический первоначальный вариант средневековой легенды о Тристане, приставка «ур» (*нем.*) означает «истинный».

²² Стеатопигия – особенность строения тела у ряда первобытных племен – избыточное ожирение в районе ягодич.

²³ Президент – глава администрации в некоторых оксфордских колледжах, в частности в колледже Сент-Джонс, в котором учился сам Криспин.

несчастьем, поворачивая вправо, он крутанул руль слишком сильно, и машина прогрохотала через полосу газона, зарывшись носом в куст рододендрона, чихнула, заглохла и встала.

Водитель вышел и уставился на нее весьма сурово. Пока он ее так разглядывал, машина оглушительно выпустила выхлопные газы – это был хлопок, какого человечество еще не слышало. Нахмурившись, водитель взял молоток с заднего сиденья, открыл капот и ударил по чему-то внутри. Закрыв капот, он опять сел в машину. Мотор завелся, машина рванула и понеслась задним ходом в сторону покоев президента. Президент, который успел вернуться к окну и наблюдал за этой сценой как замороженный, в конце концов в ужасе ретировался не менее поспешно, чем в прошлый раз. Водитель кинул взгляд через плечо и обнаружил, что в непосредственной близости от него, как лайнер над моторной лодкой, воздвиглись президентские покои. Без всякого колебания он переключил передачу и поехал вперед. Машина с ужасным взвизгом содрогнулась, как больной болотной лихорадкой, и остановилась. Через некоторое время вновь раздался ее ничем не объяснимый прощальный выхлоп. Водитель с достоинством нажал на тормоз и вышел, взяв портфель с заднего сиденья.

В наступившей тишине президент снова подошел к окну. На этот раз он распахнул его.

– Мой дорогой Фен, – сказал он укоризненно, – рад, что вы оставили нам от колледжа хоть что-то. Я боялся, что вы вот-вот разрушите его до основания.

– О? Неужели? – ответил водитель. Он говорил весело и немного в нос. – Вам не стоило волноваться, мистер президент. У меня все под контролем. Что-то с мотором, вот и все. Не могу понять, почему она остановилась с таким шумом. Я сделал все, что от меня зависело.

– И, мне кажется, не было ни малейшей необходимости въезжать на машине на территорию колледжа, – придиричливо заметил президент и захлопнул окно, но без особого раздражения. Эксцентричные выходки Джервейса Фена, профессора английского языка и литературы и преподавателя Сент-Кристофера, контрастировали с общепринятым поведением университетских преподавателей. Но его коллеги воспринимали их довольно добродушно, зная, что опрометчивые суждения о Фене по первому впечатлению зачастую оборачивались не в пользу осуждающего.

Фен энергично, большими шагами пересек лужайку, прошел в калитку в стене из необожженного кирпича, возле которой в это время года цвели персиковые деревья, и вошел в главный сад колледжа. Это был высокий, долговязый мужчина около сорока лет с худым, веселым и румяным, чисто выбритым лицом. Его темные, тщательно приглаженные при помощи изрядного количества воды волосы все же непослушно торчали на макушке. На нем был необъятный плащ, в руках он держал экстравагантную шляпу.

– А, мистер Хоскинс, – окликнул он студента, который расхаживал по лужайке, обнимая за талию хорошенькую девушку. – Я смотрю, вы очень заняты!

Мистер Хоскинс, огромный, тощий и меланхоличный, немного похожий на бордоского дога, смущенно заморгал.

– Доброе утро, сэр, – отозвался он.

Фен прошел мимо.

– Не беспокойся, Дженис, – сказал Хоскинс своей спутнице. – Посмотри, что у меня для тебя есть!

Он пошарил в кармане своего пальто и вытащил на свет божий большую коробку шоколадных конфет.

Тем временем Фен проследовал по открытому мощенному камнем переходу, ведущему в южный дворик колледжа, прошел через дверь справа, миновал комнатку органиста, взбежал по ступенькам, застланным ковром, на первый этаж и вошел в свой кабинет. Это была длинная светлая комната, одна сторона которой была обращена к дворику Иниго Джонса²⁴,

²⁴ Джонс И. (1573–1652) – английский архитектор и театральный художник.

а другая смотрела на сады. Стены – кремового цвета, занавески и ковер – темно-зеленого. На низких полках стояли ряды книг, на стенах висели китайские миниатюры, а на каминной доске стояли довольно обшарпанные медальоны и бюсты, изображающие английских писателей. Огромный необустроенный широкий письменный стол с двумя телефонами стоял напротив окна у северной стены.

А в одном из самых комфортабельных кресел сидел Ричард Кадоган, и вид у него был затравленный.

– Да, Джервейс, – произнес он бесцветным голосом, – много воды утекло с тех пор, как мы учились вместе.

– Боже правый! – вскричал потрясенный Фен. – Ричард Кадоган!

– Да.

– Что ж, я, конечно, рад встрече, но ты появился в довольно неудачное время...

– Ты, как всегда, нелюбезен.

Фен присел на край письменного стола, всем своим видом выражая обиженное удивление.

– Что за странные вещи ты говоришь. Разве я хоть раз сказал тебе злое слово?

– Но именно ты написал о моих первых опубликованных стихах: «Это книга, без которой каждый может позволить себе обойтись».

– Ха! – воскликнул Фен, польщенный. – В те дни я был очень лаконичен. Ну, как ты поживаешь, дорогой друг?

– Ужасно. Конечно, ты еще не был профессором, когда мы виделись последний раз. Университет тогда был более благоразумен.

– Я стал профессором, – твердо ответил Фен, – благодаря моим необыкновенным научным способностям и острому, мощному уму.

– Ты, помнится, писал мне тогда, что все дело было в том, чтобы подергать за кое-какие старые, траченные молью ниточки.

– О! Неужели писал? – смущенно переспросил Фен. – Ну, все равно это теперь не имеет никакого значения. Ты уже завтракал?

– Да, в трапезной.

– Ну, тогда сигарету?

– Спасибо... Джервейс, я потерял магазин игрушек.

Джервейс Фен изумленно воззрился на него. Он протянул Кадогану зажигалку, и на его лице появилось выражение изрядной настороженности.

– Не будешь ли ты добр объяснить мне это загадочное высказывание? – осведомился он.

Кадоган объяснил. Он объяснял очень пространно, не скрывая праведного негодования и душевного разочарования.

– Мы прочесали все окрестности, – сообщил он горько. – И представь себе, нигде не было магазина игрушек. Мы расспрашивали людей, которые жили там всю жизнь, но они никогда не слышали об этом магазине. И тем не менее я уверен, что прекрасно помню это место. Бакалейщик! Подумать только! Мы вошли, и там действительно была бакалея, и дверь не скрипела. Хотя дверь можно и маслом смазать, – это средство Кадоган упомянул без особой уверенности. – Но, с другой стороны, задняя дверь там была ровно такая, как я видел в первый раз. При этом я обнаружил, что все магазины в том ряду построены по совершенно одинаковому плану. Но хуже всего были полицейские! – простонал он в заключение своей речи. – Нет, не то чтобы они были недоброжелательны, и все такое. Нет, они как раз были ужасно добры, как бывают добры люди к кому-то, кому недолго уже осталось. Они думали, что я не слышу, как они говорят о сотрясении мозга. Беда в том, что, как ты понимаешь, все выглядело по-другому в дневном свете, и я, видимо, заметно колебался и выражал сомне-

ния, делал ошибки и противоречил сам себе. Короче говоря, они отвезли меня обратно на Сент-Олдейтс и посоветовали обратиться к доктору, поэтому я ушел от них и пришел сюда, и позавтракал здесь. И вот я здесь.

– Надо думать, – сказал Фен задумчиво, – ты не поднимался на второй этаж в этой бакалейной лавке?

– Ах да! Я забыл сказать. Мы поднимались. Тела там, конечно, не было, и все было совсем по-другому. Дело в том, что ступени и коридор были застланы ковром, везде была чистота и свежий воздух, мебель была зачехлена от пыли, и гостиная весьма отличалась от той комнаты, в которой я побывал. Думаю, именно в этот момент полиция окончательно уверилась в моем сумасшествии, – упивался Кадоган чувством нестерпимой обиды.

– Ну, – сказал осторожно Фен, – предположим, что этот рассказ не является плодом расстроенного ума.

– Я абсолютно нормален!

– Не надо на меня рывкать, приятель, – обиделся Фен.

– Разумеется, я не виню полицию за то, что они считают меня сумасшедшим, – сказал Кадоган тоном самого язвительного осуждения.

– Допустим, – продолжал Фен с раздражающим спокойствием, – что магазины игрушек на Иффли-роуд не улетают в небеса, не оставив следа. Что же тогда побудило кого-то заменить бакалейный магазин на магазин игрушек глубокой ночью?

Кадоган презрительно фыркнул:

– Совершенно очевидно. Они знали, что я видел тело, и они хотели заставить людей поверить, что я сумасшедший, когда буду рассказывать об этом. В чем они и преуспели. За объяснением моего бреда теперь далеко ходить не надо, ведь они стукнули меня по голове. Ну а окно в чулане они оставили открытым специально, чтобы я мог выбраться оттуда.

Фен доброжелательно смотрел на Кадогана.

– До этого места выходит очень складно. Но это не объясняет самую главную загадку этого дела: почему бакалейная лавка сначала была превращена в магазин игрушек?

Кадоган не знал ответа.

– Видишь ли, – продолжал Фэн, – они не могли предугадать, что ты испортишь им все дело. Ты ложка дегтя в бочке меда. Нет, они передвинули бакалею и заменили ее игрушками с какой-то совершенно другой целью и собирались вернуть все на место с самого начала в любом случае.

Кадоган начал ощущать, как что-то похожее на чувство облегчения наполняет его душу. Ведь какое-то время он почти верил, что страдает галлюцинациями. Нет, первое впечатление лгало: в Фене было что-то в высшей степени надежное. Резкие, надменные черты Кадогана исказились в мрачной гримасе.

– Но почему? – спросил он.

– У меня есть несколько подходящих объяснений, – произнес хмуро Фен. – Но, скорей всего, все они никуда не годятся.

Кадоган загасил окурок и опустил руку в карман, ища новую сигарету. И тут его пальцы нащупали клочок бумаги, который он подобрал с полу возле тела. Он удивился, когда осознал, что совершенно не помнил о нем до этого момента.

– Вот! – воскликнул он возбужденно, доставая бумагу из кармана. – Смотри! Вещественное доказательство. Я подобрал это возле тела. Совершенно забыл о ней. Пожалуй, надо пойти в полицию.

Он приподнялся в кресле в крайнем волнении.

– Дружище, успокойся, – сказал Фен, беря клочок бумаги в руки. – Что, скажи на милость, доказывает эта бумажка? – Он прочел написанные карандашом цифры: 07691. По-видимому, телефонный номер.

- Возможно, номер телефона убитой женщины.
- Дорогой мой Ричард, что за неслыханная непонятливость... Никто не носит номер своего телефона с собой.
- Может быть, она записала его для кого-то. А может быть, это не ее телефон.
- Нет, – произнес задумчиво Фен, разглядывая клочок бумаги. – Так как ты, кажется, о многом забываешь, рискну предположить: сумочку ее ты не находил и не заглядывал в нее.
- Я уверен, что ее там не было. Само собой разумеется, что я первым делом сделал бы это.
- С вами, поэтами, ни в чем нельзя быть уверенным, – глубоко вздохнул Фен, возвращаясь к письменному столу. – Ну что ж, нам остается только одно: позвонить по этому номеру. Он снял трубку, набрал 07691 и подождал. Через некоторое время ему ответили.
- Алло, – раздался несколько дребезжащий женский голос.
- Алло, мисс Скотт, – весело ответил Фен. – Как поживаете? Давно вернулись из Белуджистана?²⁵
- Кадоган смотрел на него, не понимая, что происходит.
- Простите, – ответил голос, – но я не мисс Скотт.
- О! – Фен взглянул на аппарат с видимым отвращением, как будто боялся, что тот немедленно развалится на части. – В таком случае с кем я говорю?
- Я миссис Уитли. Боюсь, вы ошиблись номером.
- Да, наверное. Очень глупо получилось. Простите за беспокойство. Всего хорошего, – с этими словами Фен схватил телефонный справочник и стал перелистывать страницы.
- Уитли, – бормотал он. – Уитли... А, вот она. Дж. Х. Уитли, миссис, 229 Нью-Инн – Холл-стрит, Оксфорд, 07691. Похоже, леди в полном здравии. И я надеюсь, ты понимаешь, мой дорогой Кадоган, что тут могла быть еще тысяча подмен.
- Да, знаю, – устало кивнул Кадоган, – это безнадежно, точно.
- Послушай, ты вместе с полицейскими заглянул на задворки магазина? Туда, откуда ты выбрался?
- По правде говоря, нет.
- Ну, хорошо, сделаем это сейчас. В любом случае мне хочется посмотреть на это место, – решил Фен. – У меня назначен тьюториал²⁶ в десять, но его можно отложить. – Он нацарапал записку на обратной стороне конверта и поставил его на каминной доске. – Пошли, – скомандовал он. – Мы поедем на машине.

Они поехали. Езда на автомобиле с Феном не могла доставить удовольствие человеку, находившемуся в состоянии Кадогана. Все было еще ничего на Сент-Джайлс, так как это очень широкая улица, где почти невозможно во что-нибудь врезаться, кроме пешеходов, постоянно перебегающих через ее обширное пространство, как перепуганные куры, в безумной и рискованной гонке. Но они чуть не въехали в фургон торговца на Брод-стрит, несмотря на всю ее ширину, прорвались на другую сторону у светофора возле «Кингс Армс»²⁷ как раз в тот момент, когда менялся сигнал, и промчались по Холивелл-стрит и Лонгуолл-стрит меньше чем за минуту. Их появление на многолюдной Хай-стрит Ричард Кадоган воспринял как безусловно самый страшный эпизод в его рискованном путешествии, так как Фен был не из тех, кто ждет кого-либо или что-либо. Кадоган зажмурился, заткнул уши и попытался сосредоточиться, размышляя о вечных истинах. И тем не менее они добра-

²⁵ Белуджистан – провинция в Пакистане.

²⁶ Тьюториал – основная форма преподавания в Оксфорде и Кембридже, при которой преподаватель занимается со студентом индивидуально, иногда с двумя студентами одновременно, подробно разбирая какую-либо тему, на которую студент предварительно пишет сочинение.

²⁷ «Кингс Армс» («Королевский герб») – популярный у студентов паб в центре Оксфорда на углу Холивелл-стрит.

лись благополучно и проехали через Модлин-бридж, в третий раз за это утро он оказался на Иффли-роуд. Фен остановил вздрагивающую всем корпусом «Кристин III» немного поодаль от призрачного магазина игрушек.

– Ты уже был здесь, – заметил он. – Кто-нибудь, может быть, узнает тебя. – Выхлопная труба оглушительно выстрелила. – Как мне это надоело... Я схожу на разведку... Жди, пока я вернусь, – с этими словами он вылез из машины.

– Ладно, – согласился Кадоган. – Ты легко найдешь магазинчик. Как раз напротив вон той церкви.

– Когда я вернусь, мы обойдем магазин сзади, – с этими словами Фен удалился своей энергичной походкой.

Утренний наплыв покупателей еще не начался, и в заведении под названием «Торговый дом Уинкворт. Бакалея и продовольствие» не было никого, кроме самого бакалейщика, облаченного во все белое, словно священник, толстого мужчины с круглым, жизнерадостным лицом. Фен вошел довольно шумно, заметив, однако, что дверь не скрипнула.

– Доброе утро, сэр, – дружелюбно приветствовал его бакалейщик. – Чем могу быть полезен?

– О! – отвечал Фен, с любопытством оглядываясь вокруг. – Я бы хотел фунт, – он запнулся, прикидывая в уме, что бы такое сказать, – сардин.

Бакалейщик был явно несколько озадачен.

– Боюсь, сэр, мы не продаем их вразвес.

– Ну, тогда банку риса, – нахмурившись, сказал Фен.

– Прошу прощения, что-что, сэр?

– Вы мистер Уинкворт? – спросил Фен, моментально забыв о покупках.

– Да что вы, сэр. Я всего лишь служащий. Хозяйка магазина мисс Уинкворт. Мисс Элис Уинкворт.

– О, а можно мне повидать ее?

– Боюсь, что ее сейчас нет в Оксфорде.

– Вот как! Она живет здесь, над магазином?

– Нет, сэр, – ответил служащий, подозрительно глядя на него. – Там никто не живет. А теперь давайте вернемся к вашим покупкам.

– Да ладно, я найду попозже. Гораздо позже, – добавил он.

– Всегда к вашим услугам, сэр, – преувеличенно вежливо ответил бакалейщик.

– Какая жалость, – пристально наблюдая за продавцом, посетовал Фен, – какая жалость, что у вас не продаются игрушки.

– Игрушки?! – воскликнул бакалейщик с абсолютно искренним удивлением. – Послушайте, сэр, вряд ли можно найти игрушки в бакалейной лавке. Надеюсь, вы согласны?

– Да, и в самом деле. Или нет? – весело подхватил Фен. – Никаких трупов и тому подобного. Ну, счастливо оставаться! – с этими словами он вышел из магазина.

– Пока все без толку, – сообщил он Кадогану, который сидел в «Лили Кристин III», глядя вперед и пытаясь поправить свою повязку. – Ясно как день, что продавец ничего не знает об этом деле. Хотя он как-то странно вел себя, когда я спросил о владельце магазина. Некая мисс Элис Уинкворт, по-видимому.

Кадоган пробормотал что-то неопределенное в ответ на эту информацию.

– Ну хорошо, давай взглянем, что там с обратной стороны магазина, если тебе кажется, что от этого будет хоть какая-то польза, – в его голосе слышалась явная неуверенность.

– Да, кстати, – добавил Фен, когда они спускались по узкой уходящий вниз улочке, ведущей к обратной стороне магазинов, – был ли здесь кто-нибудь этим утром, когда ты приезжал с полицией?

– Ты имеешь в виду в магазине? Ни души. Полицейские вошли туда со своими отмычками или с чем-то вроде того. К тому времени дверь была закрыта.

Они определили, где именно в рядах деревянных, покрытых олифой изгородей находится тот самый маленький садик.

– Это здесь, – сказал Кадоган.

– И кого-то здесь вырвало, – заметил Фен с отвращением.

– Да, это меня, – признался Кадоган, заглянув в калитку. Запущенный, заросший травой участок, который казался таким зловещим в утреннем полумраке, сейчас выглядел совершенно обычно.

– Видишь то маленькое окно? – спросил он. – Справа от парадной двери? Это что-то вроде чулана, из которого я выбрался наружу.

– Интересно, а что там сейчас? – задумчиво отвечал Фен. – Пойдем поглядим.

Маленькое окошко было до сих пор открыто, но оказалось выше, чем запомнилось Кадогану, и даже высокий Фен не смог заглянуть внутрь. Слегка разочарованные, они пошли к двери черного хода.

– Ну, здесь, по крайней мере, открыто, – заметил Фен. Кадоган ударился о мусорный бак, стоявший возле двери. – Ради бога, постарайся не шуметь! – прошипел Фен.

Он очень осторожно вошел внутрь, и Кадоган последовал за ним, хотя и не совсем представлял, что они будут делать. Перед ними был короткий коридор: слева что-то вроде кухни, совершенно пустой, а справа полуоткрытая дверь в чулан. Из магазина доносились невнятные голоса и звоночки работающего кассового аппарата.

Но в чулане больше не было моющих средств. Вместо этого там были груды бакалейных товаров и продуктов. Кадогана вдруг охватило внезапное сомнение. Может быть, это все и вправду было галлюцинацией. Уж больно фантастическим казалось все происшедшее, чтобы быть реальностью. В конце концов, не было ничего невозможного в том, что он упал по дороге в Оксфорд, ударился головой и ему пригрезились все эти события: и в самом деле, они были очень похожи на ночной кошмар. Он огляделся и прислушался. А затем в тревоге дернул Фена за рукав.

Никакого сомнения. К чулану приближались шаги.

Фен не колебался ни минуты. Вскричав: «Спасайся кто может!» – он вскочил на груды коробок и ногами вперед выпрыгнул в окно. К несчастью, коробки опрокинулись со страшным шумом, и, таким образом, путь к отступлению Кадогана был отрезан. Уже не было времени расчищать от коробок путь к окну, а о спасении через черный ход не могло быть и речи – ручка двери чулана уже поворачивалась. Кадоган, схватив банку консервированных бобов в правую руку, а в левую – пудинг из почек, ждал, приняв грозный вид.

Как и ожидалось, в чулан вошел продавец. При виде незваного гостя он застыл с выпученными глазами и приоткрытым ртом. Но, к удивлению Кадогана, не проявил никакой агрессии. Наоборот, поднял обе руки над головой, как имам, взывающий к Аллаху, завопил по-актерски громко: «Воры! Воры! Воры!» – и выскочил так стремительно, как только ему позволила его грузная комплекция. Было совершенно ясно, что он испугался Кадогана гораздо больше, чем тот его.

Но у Кадогана не было времени задуматься о таких вещах. Черный ход, запущенный сад, калитка, улочка – вот этапы его безумного отступления. Фен сидел в «Лили Кристин III», углубившись в чтение «Таймс», в то время как около парадной двери магазина собралась небольшая толпа праздных зевак, глазающая на бакалейщика, который все кричал и кричал. Кадоган стремительно перебежал тротуар и вскочил на заднее сиденье машины, где тут же лег на пол. Они резко рванули с места.

Только когда они миновали Модлин-бридж, он сел и спросил с горечью:

– Ну?

– Sauve qui peut²⁸, – сказал Фен беспечно, настолько беспечно, насколько ему позволял ужасный гул мотора. – И запомни, я должен беречь свою репутацию. Это был продавец?

– Да.

– Ты сильно его огрел?

– Да нет, он убежал в ужасе... Черт подери! Вот глупо, – воскликнул Кадоган, – оказывается, я прихватил с собой пару консервных банок!

– Ну и прекрасно. Мы съедем их за ланчем. Если до этого тебя не посадят за мелкое воровство. Он тебя разглядел?

– Мне кажется, да, Джервейс.

– Ну и что дальше?

– Я хочу докопаться до сути этой истории. Меня это выводит из себя. Давай пойдем и посмотрим, что это за Уитли такая.

И они поехали на Нью-Инн-Холл-стрит.

²⁸ Спасайся кто может (*фр.*).

Глава 3

Случай с честным стряпчим

Дом двести двадцать девять по Нью-Инн-Холл-стрит оказался скромным приятным домиком с меблированными комнатами, расположенным в двух шагах от школы для девочек, а миссис Уитли, его владелица, – маленькой, робкой, суетливой пожилой женщиной, которая во время разговора нервно теребила свой передник.

– Это я беру на себя, – сказал Кадоган Фену, когда они прибыли на место, – у меня есть план.

По правде говоря, никакого плана у него не было. Фен согласился довольно неохотно и погрузился в разгадывание кроссворда в «Таймс», без труда подыскивая литературные ключи к вопросам. Но остальное ему никак не давалось, поэтому он бросил это занятие и с раздражением праздно глазел на прохожих.

Когда миссис Уитли открыла дверь, Кадоган все еще пытался придумать, что сказать.

– Надо думать, – взволнованно начала она, – вы тот самый джентльмен, который интересовался комнатами?

– Совершенно верно, – с большим облегчением ответил он, – я насчет комнат.

Она пригласила его войти.

– Прекрасная погода, – продолжала она, как будто чувствовала личную ответственность за это явление природы. – Итак, вот гостиная...

– Миссис Уитли, боюсь, я обманул вас, – теперь, оказавшись в доме, Кадоган решил отказаться от своей уловки. – Я совсем не насчет комнат. Дело в том, что... – он откашлялся. – Есть ли у вас подруга или родственница, пожилая леди, незамужняя, седая и... ммм... Имеющая обыкновение носить костюмы из твида и кофточки?

Миссис Уитли запнулась, лицо ее вспыхнуло.

– Уж не имеете ли вы в виду мисс Тарди, сэр?

– Ммм... Повторите, пожалуйста, фамилию.

– Мисс Тарди, сэр, Эмилия Тарди. Мы обычно называли ее «Лучше поздно, чем никогда». Из-за ее имени²⁹, понимаете? Ну, конечно, Эмилия моя самая давняя подруга. – Выражение ее лица внезапно омрачилось. – С ней все в порядке, не так ли, сэр? Ничего плохого не случилось?

– Нет, нет, – поспешно ответил Кадоган. – Мне только недавно довелось познакомиться с вашей э-э-э подругой, и она сказала, что если я когда-нибудь окажусь в Оксфорде, то, конечно, найду вас в справочнике. К сожалению, мне никак не удавалось точно запомнить ее имя, но я помнил ваше.

– Ну что вы, это очень хорошо, сэр, – просияла миссис Уитли. – И я очень рада вашему приходу, очень рада на самом деле. Здесь рады всем друзьям Эмилии. Если вы не против, мы спустимся в гостиную на чашечку чая, и я покажу вам ее фотографию, чтобы освежить вашу память.

«Вот повезло», – думал Кадоган, следуя за миссис Уитли на полуподвальный этаж, так как у него не было сомнений, что Эмилия Тарди и женщина, которую он видел в магазине, – одно и то же лицо.

Гостиная оказалась комнатой, набитой плетеными стульями, клетками с волнистыми попугайчиками, множеством откидных календарей, репродукциями Лэндсира³⁰ и безобраз-

²⁹ Tardy (англ.) – медлительный, опаздывающий.

³⁰ Скорее всего, имеется в виду наиболее известный из четырех представителей английской династии художников Лэнд-

ными декоративными тарелками с изображениями шатких китайских мостиков. Вдоль стены стояла плита огромных размеров, на которой закипал чайник. Закончив хлопоты по заварке чая, миссис Уитли поспешила к ящику комода и благоговейно протянула Кадогану довольно выцветшую коричневую фотографию.

– Вот она, сэр. Ну, что скажете? Это та самая леди, с которой вы познакомились?

Без сомнения, это была она, хотя фотография была сделана, должно быть, лет десять назад, и лицо, которое ему довелось недавно увидеть, было опухшим и мертвенно-бледным. Мисс Тарди ласково и рассеянно улыбалась фотографу, пенсне балансировало на кончике носа, прямые волосы были в легком беспорядке, и тем не менее ее лицо не было лицом неудачливой старой девы, в нем чувствовалась определенная уверенность в своих силах, несмотря на рассеянную улыбку.

– Да, это она, – кивнул он.

– Могу я узнать, ваше знакомство с ней состоялось в Англии, сэр? – заглядывая через его плечо, миссис Уитли неуверенно теребила фартук.

– Нет, за границей. – Судя по ее вопросу, это был наиболее безопасный выбор. – И довольно давно, шесть месяцев назад, по крайней мере, насколько я припоминаю.

– О да! Это, должно быть, когда она была во Франции. Великая путешественница Эмилия. Не могу понять, как у нее хватало смелости жить среди всех этих иностранцев. Надеюсь, вы простите мое любопытство, сэр, но вот уже целых четыре недели я не получала от нее никакой весточки, и это довольно странно, потому что она всегда предельно аккуратно писала письма. Боюсь, уж не случилось ли с ней что-нибудь?

– Что ж, мне очень жаль, но должен сказать, что ничем не могу быть вам полезен.

Кадогану, который попивал маленькими глотками чай и курил сигарету в веселой, безвкусно обставленной комнате под обеспокоенным взглядом маленькой миссис Уитли, становилось здесь все более не по себе. Но что пользы было бы жестоко поведать хозяйке гостинной всю правду об обстоятельствах этого дела, даже если он доподлинно знал о них.

– Она много путешествовала, вернее, путешествует, вы говорите? – спросил он, несколько повторяясь, как это принято в теперешних светских беседах.

– О да, сэр! В основном по провинциальным маленьким местечкам во Франции, Бельгии и Германии. Иногда она останавливается там на день или два, иногда на целый месяц в зависимости от того, как ей там понравится. Пожалуй, прошло уже целых три года с тех пор, как она последний раз приезжала в Англию.

– Да, так я и подумал: образ жизни, который не назовешь оседлым. У нее нет родных? Она произвела на меня впечатление довольно одинокого человека, сказать вам по правде.

– Мне кажется, у нее была только тетя, сэр... Где-то. И она умерла некоторое время назад. Ее звали мисс Снейт, очень богатая и эксцентричная особа, жила на Боарз-Хилл, увлекалась юмористической поэзией. Что касается Эмилии, так она любит путешествовать, как вам уже известно. Это ее устраивает. У нее есть свой небольшой капитал, и то, что она не тратит на детей, она тратит на то, чтобы увидеть новые места и людей.

– Дети?

– Она целиком отдает себя детям. Жертвует на больницы и приюты для них. В высшей степени похвальное занятие, если хотите знать мое мнение. Но позвольте спросить, сэр, как она выглядела, когда вы с ней познакомились?

– Не слишком хорошо, как мне показалось. Хотя, по правде говоря, я не так уж много с ней виделся. Мы оказались в одной гостинице всего на пару дней – единственные англичане в чужом месте, вы понимаете, естественно, что мы немного поболтали. – Кадоган сам

удивился бойкости своей речи. Но не говорил ли Менкен где-то, что поэзия – это всего лишь ложь, доведенная до совершенства?³¹

– Да что вы! – сказала миссис Уитли. – Вам, должно быть, нелегко приходилось из-за ее глухоты.

– Что? Ах да, это было довольно трудно. Я уже почти забыл об этом, – произнес Кадоган, задумавшись: «Что же творится в голове у человека, способного подойти к старой глухой женщине, ударить ее по голове и задушить тонким шнуром?..» – Но меня огорчает, что вы давно не получали от нее ни словечка.

– Да, сэр, это может означать, что она сейчас возвращается домой из какого-то путешествия. Она мастерица устраивать сюрпризы: просто окажется вдруг у вашей двери без предупреждения. И она всегда останавливается у меня, когда бывает в Англии. Хотя, бог свидетель, она уж наверняка бы в Оксфорде совсем заблудилась, так как я переехала сюда всего лишь два года назад, и я точно знаю, что она еще ни разу здесь не бывала. – Тут миссис Уитли умолкла, чтобы перевести дух. – Словом, я стала до того беспокоиться, что пошла справиться к мистеру Россетеру...

– К мистеру Россетеру?

– Это стряпчий мисс Снейт. Я полагала, что Эмилия как близкая родственница могла дать ему знать о себе, когда скончалась старая леди. Но он ничего не знал, – вздохнула миссис Уитли. – И все же мы не должны прежде времени слишком уж волноваться, не правда ли, сэр? Не сомневаюсь, что все в порядке на самом деле. Еще чашечку чая?

– Нет-нет, в самом деле не нужно. Благодарю вас, миссис Уитли. – Кадоган поднялся под аккомпанемент громкого скрипа плетеного кресла. – Мне пора откланяться. Вы были так гостеприимны и добры.

– Что вы, сэр! Если Эмилия появится, что сказать ей, кто заходил?

Фен был в желчном настроении:

– Ты торчал там чертову уйму времени, – проворчал он, как только «Лили Кристин» снова отправилась в путь.

– Но это стоило того, – ответил Кадоган. Он рассказывал о том, что разузнал, почти все время, пока они ехали обратно в Сент-Кристоферс.

– Гм, – задумчиво пробормотал Фен. – Это уже кое-что, согласен. И тем не менее я не совсем ясно представляю, что нам с этим делать. Очень трудно расследовать убийство, пользуясь сведениями из вторых рук, да еще при отсутствии *corpus delicti*³². А ведь там, должно быть, болтался туда-обратно довольно большой фургон, пока ты валялся без сознания. Интересно, кто-нибудь из соседей видел или слышал его?

– Да, понимаю, что ты имеешь в виду: им нужно было перевозить игрушки, бакалею и мебель туда-сюда. Но ты совершенно прав: вопрос в том, зачем надо было вообще превращать это заведение в магазин игрушек?

– Не уверен, что это стало понятней теперь, – откликнулся Фен. – Твоя миссис Уитли сказала тебе, что мисс Тарди плохо ориентировалась в Оксфорде. Допустим, кто-то хотел заманить ее в такое место, которое она не смогла бы отыскать снова...

– Но какой в этом смысл? Если ты собираешься убить ее, какое значение имеет, что именно она увидит?

³¹ Менкен Г. Л. (1880–1956) – американский журналист, эссеист и сатирик.

³² Состав преступления (*лат.*) – вещественное свидетельство совершения преступления, т. е. в данном случае тело мисс Тарди.

– Гм, – задумчиво произнес Фен, – и в самом деле, какое значение? О мои лапки!³³ – с этими словами он остановил машину у главных ворот Сент-Кристоферса и сделал слабую попытку пригладить волосы. – Вопрос в том, кто ее наследник? Ты вроде бы говорил, что у нее был свой капитал?

– Да, но не очень большой. Мне кажется, она была из таких старых дев, каких описывал Осберт Ситвелл³⁴, они живут по дешевым пенсиям и кочуют по Ривьере... Но, как бы там ни было, она была не настолько богата, чтобы ее стоило убивать из-за денег. – Из выхлопной трубы с яростным шумом вырвался отработанный газ. – Тебе, право слово, пора отправить этот тарантас в мастерскую...

Фен покачал головой:

– Люди могут совершить убийство даже из-за совершенно незначительной суммы. Но должен признаться, что никак не возьму в толк, для чего понадобилось похищать тело после того, как убийство уже произошло. Впрочем, убийца, возможно, хотел подождать, пока факт смерти будет считаться признанным, но все-таки дело кажется странным. Эта миссис Уитли и не подозревала, что мисс Тарди вернулась в Англию?

– Нет, а, по моему представлению, если хоть кому-то на белом свете и было бы об этом известно, то это была бы именно миссис Уитли.

– Да, одинокая женщина, чье исчезновение вряд ли вызовет сильный переполох. Ты знаешь, – в голосе Фена зазвучали печальные нотки, – сдается мне, это довольно грязное дело.

Выйдя из машины, друзья вошли в колледж через маленькую калитку в больших дубовых воротах. Во дворе еще слонялись несколько студентов, перекинув через руку свои мантии; некоторые рассматривали заклеенную многочисленными объявлениями доску, свидетельствующую о весьма беспорядочной культурной жизни колледжа. Справа находилась привратничья с чем-то вроде открытого окошечка, за которым, склонившись, сидел привратник, напоминая зачарованную принцессу, заточенную в некоей средневековой башне, напоминая всем, кроме внешности, потому что Парсонс был дюжим, грозным субъектом в роговых очках с ярко выраженной склонностью пугать тех, кто послабей, и с непоколебимой уверенностью, что на иерархической лестнице колледжа он стоит на самом верху: выше законов и пророков, выше донов и даже самого президента.

– Есть что-нибудь для меня? – окликнул его Фен, проходя мимо.

– Гм, нет, сэр, – ответил Парсонс, взглянув на ряд именных ячеек с корреспонденцией. – Но, э... мистер Кадоган...

– Слушаю вас.

Привратник выглядел смущенно.

– Хотел бы спросить, – тут он бросил взгляд на празднующих студентов, – не могли бы вы зайти на минутку?

Кадоган, весьма озадаченный, последовал приглашению в сопровождении Фена. В привратничьей было душно от огромного электрического камина, безвкусно декорированного под настоящий, с раскрашенными углями. Здесь были ячейки для ключей, разные случайные записки, газовая конфорка, университетский календарь, список членов колледжа, противопожарное оборудование и два неудобных кресла. У Парсонса был явно заговорщицкий вид. Кадогану показалось, что он вот-вот посвятит их в некий сатанинский ритуал.

– За вами приходили, сэр, – произнес Парсонс, тяжело дыша, – из полицейского участка.

³³ «О мои лапки, мои усики!» – так говорил, опаздывая, белый Кролик, персонаж «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла.

³⁴ Ситвелл О. (1892–1969) – английский аристократ, писатель и поэт, журналист, сатирик, автор романов, эссе и автобиографической прозы.

- Подумать только...
 - Два констебля и сержант. Они ушли примерно пять-десять минут назад, когда убедились, что вас здесь нет.
 - Это те две консервные банки, которые я взял, чтоб им провалиться, – сказал Кадоган. Привратник взглянул на него с интересом.
 - Джервейс, что мне делать?
 - Сделай чистосердечное признание, – бесстрастно посоветовал Фен, – и свяжись со своим адвокатом. Хотя нет, подожди минутку, – добавил он. – Я позвоню главному констеблю. Я с ним знаком.
 - Я не хочу, чтобы меня арестовали.
 - Тебе следовало думать об этом раньше. Ну, ладно, Парсонс, спасибо. Мы пойдем в мою комнату.
 - Что мне сказать им, если они вернуться? – спросил Парсонс.
 - Дайте им выпить пива и выпроводите их с лицемерными и высокопарными обещаниями.
 - Слушаюсь, сэр.
- Они пересекли северный и южный дворик, встретив на своем пути только одного запоздалого студента, закутанного в ярко-оранжевый купальный халат, направлявшегося в ванную комнату, и снова поднялись по лестнице, ведущей в комнату Фена. Здесь Фен занялся телефоном, в то время как Кадоган курил, с печальным видом рассматривая свои ногти. В доме сэра Ричарда Фримена на Боарз-Хилл раздался звонок. Весьма недовольный, он подошел к аппарату.
- Хэлло, – сказал он. – Что, что? Кто это?.. А! Это ты.
 - Послушай, Дик, – начал Фен, – твои прислужники, черт бы их побрал, преследуют моего друга.
 - Это ты о Кадогане? Да, слышал я ту чепуху, что он несет...
 - Это не чепуха. Там был труп. В любом случае сейчас речь не об этом. Они пришли за ним из-за того, что он натворил в бакалейной лавке.
 - Подумать только! Да он, должно быть, с приветом. Сначала магазины игрушек, теперь бакалейные лавки... Послушай, я не могу вмешиваться в дела городской полиции.
 - Ну, право, Дик...
 - Нет, нет, Джервейс, это исключено. Судебный процесс не может быть остановлен звонком по телефону.
 - Но речь идет о самом Ричарде Кадогане. Поэте.
 - Я ничего не могу поделать, будь это хоть сам Поуп... В любом случае, если он невинен, ему ничего не грозит.
 - Но он не невинен.
 - О, ну в таком случае спасти его может только министр внутренних дел... Джервейс, тебе никогда не приходило на ум, что «Мера за меру» – это пьеса о проблеме власти?
 - Не приставай ко мне сейчас со своими банальностями, – раздраженно ответил Фен и бросил трубку.
 - Ну что ж, разговор был очень полезен, – горько заметил Кадоган. – С таким же успехом я могу пойти в полицейский участок и сдать себя.
 - Нет, подожди минутку! – Фен пристально смотрел во двор. – Как фамилия того стряпчего, того, которого навестила миссис Уитли?
 - Россетер. А что?
- Фен нетерпеливо барабанил пальцами по подоконнику:
- Знаешь, мне кажется, мне эта фамилия где-то недавно попадалась, вот только где... Россетер... Россетер... Это было... О! Мои уши и мои усики! – Тут он шагнул к грудe бумаг

и начал рыться в них. – Вот оно! Что-то было в столбце объявлений о розыске пропавших родственников в «Оксфорд мейл». Вчера или позавчера? – Он с головой погрузился в изучение газет. – Вот оно! Позавчера. Я обратил на него внимание, потому что оно показалось мне очень странным. Смотри, – с этими словами он протянул Кадогану газетную страницу, указывая на место в колонке частных объявлений.

– Ну и что? – отвечал Кадоган. – Не вижу, чем это может помочь. – Он прочитал объявление вслух: – «Райд, Лидз, Уэст, Моулд, Берлин, Аарон Россетер, стряпчий, 193-а, Корнмаркет».

– Ну и какой вывод мы должны сделать из этого?

– Не знаю точно, – ответил Фен, – и все же я чувствую, что должен подумать над этим. Холмс бы мигом с этим разделался: он был мастер разгадывать, что кроется за этими объявлениями о розыске пропавших. Моулд, Моулд... Что такое Моулд в самом деле? – Он достал с полки том энциклопедии. И вскоре нашел. – «Моулд, – прочитал он, – городской район и торговый город в графстве Флинтшир. В тринадцати милях от Честера... Средоточие крупных шахт по добыче свинца и угля... Кирпичи, черепица, гвозди, пиво и так далее...» Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Совсем ни о чем. Мне кажется, что это все имена собственные.

– Да, может быть, – Фен поставил книгу на место. – Но если это и так, то сам их подбор заслуживает внимания. Моулд, Моулд, – добавил он немного сердито.

– В любом случае, – продолжал Кадоган, – было бы невероятным совпадением, если бы это имело какое-то отношение к этой нашей Тарди.

– Не отвергай совпадение так презрительно, – сурово возразил Фен. – Знаю я таких: вы утверждаете, что самое невинное совпадение в детективном романе надуманно, а сами всегда восклицаете: «Как тесен мир!» – повстречав за границей кого-то из соседнего прихода. Мое твердое убеждение, – сказал он торжественно, – что это объявление имеет какую-то связь со смертью Эмили Тарди. Хотя у меня нет ни малейшего понятия какую. Но я предлагаю найти и повидать этого типа – Россетера.

– Отлично, – ответил Кадоган, – при условии, что мы не поедем на этой твоей адской красной машине. Где ты ухитрился откопать ее?

Фен выглядел задетым.

– Я купил ее у студента, которого выгнали из колледжа. Чем она тебе не угодила? Ездит очень быстро, – добавил он вкрадчиво.

– Я заметил.

– Ну ладно. Пойдем пешком. Это недалеко.

Кадоган что-то проворчал, занятый выдиранием объявления Россетера и закладыванием его в записную книжку.

– И если из этого ничего не получится, – сказал он, – я пойду прямо в полицию и расскажу им все, что знаю.

– Ну, конечно. А кстати, что ты сделал с теми консервными банками, которые стащил в лавке? Я довольно-таки проголодался.

– Они в машине, и оставь их в покое.

– Может, тебе стоит изменить внешность?

– Не будь таким дураком, Джервейс... Я опасаюсь вовсе не ареста. Похоже, они всего-навсего хотят меня оштрафовать. Но вся эта морока: давать им объяснения, хлопотать, чтобы меня отпустили на поруки, а потом появляться в суде... Ну, пошли. Вперед, если ты считаешь, что в этом есть смысл.

Корнмаркет – одна из самых оживленных улиц в Оксфорде, хотя вряд ли самая привлекательная. Но у нее есть свои достоинства – это стройный полинялый фасад старого «Кла-

рендон-отеля», тихий каретный ряд Голден-Кросс с остроконечной крышей и прекрасный вид на купол башни Том-Тауэр, похожий на продолговатую тыкву, но в основном это улица больших магазинов. Над одним из них находился номер 193-а, контора мистера Аарона Россетера, стряпчего, такая же грязная, холодная и неудобная, как большинство подобных заведений.

«Интересно, что заставляет стряпчих быть столь нечувствительными к привлекательной стороне жизни?» – удивлялся про себя Кадоган.

Клерк, немного напоминающий диккенсовского персонажа, в очках в стальной оправе и в куртке с кожаными заплатами на локтях, проводил их в кабинет. Внешность мистера Россетера, хотя и восточная, все же не была так ярко выражено библейской, как можно было бы заключить из его имени. Это был маленький человек с желтоватым цветом лица, с огромным выдающимся вперед подбородком, высоким лбом и лысым черепом. На нем были очки в роговой оправе, его брюки были немного коротковаты. У него была резкая манера вести разговор и странная привычка внезапно протирать очки носовым платком, вытянутым из рукава, и так же неожиданно водружать их на нос. Судя по тому, что он выглядел весьма потрепанно, можно было предположить, что дела его шли не так уж успешно.

– Итак, джентльмены, – сказал он, – могу я узнать, в чем состоит ваше дело? – Во взгляде, которым он изучал Джервейса Фена, внешность которого и в самом деле выдавала человека напористого, сквозили едва заметные признаки тревоги.

Фен навис над ним с высоты своего роста.

– Вот этот джентльмен, – произнес он, указывая на Кадогана, – доводится троюродным братом мисс Снейт, дела которой, как мне известно, вы вели всю ее жизнь.

Мистер Россетер был почти так же потрясен этим эффектным откровением, как и сам Кадоган.

– Да, вы не ошиблись, – ответил он, лихорадочно постукивая пальцами по столу. – Это так. Мне очень приятно познакомиться с вами, сэр. Окажите честь, садитесь!

Кадоган повиновался, с укоризной поглядывая на Фена, хотя какую честь он мог оказать мистеру Россетеру, водружая свое седалище на его кожаное кресло, ему было непонятно.

– Я совсем потерял связь с моей троюродной сестрой в последние годы ее жизни, – объявил он. – Фактически, если уж говорить точно, она вовсе и не была моей троюродной сестрой. – При этих словах Фен бросил на него злобный взгляд.

Кадоган продолжил:

– Моя мать, одна из шропширских Кадоганов, вышла замуж за моего отца. Нет, я не имею в виду, что именно так, или, сказать вернее, я имею в виду. Ну, в общем мой отец был одним из семерых детей, и его третья сестра, Марион, развелась с мистером Чайлдзом, а тот женился снова, и у него было трое детей: Пол, Артур и Летиция, – одна или один из которых (я забыл, кто именно) вступил или вступила в брак довольно поздно с племянником (а возможно, племянницей) некоей мисс Бозанкэ. Все это, боюсь, ужасно запутанно, прямо как в каком-нибудь романе Голсуорси.

Мистер Россетер нахмурился, снял очки и начал быстрыми движениями полировать стекла. Он явно не находил в этом ничего забавного.

– Быть может, вы сообразовали уточнить, в чем заключается ваше дело, сэр? – отрывисто произнес он.

К ужасу Кадогана, Фен в этот момент разразился громким смехом.

– Ха, ха! – воскликнул он, явно не в силах сдержать своего веселья. – Вы должны простить моего друга, мистер Россетер. Он у нас такой шутник! Но ничего не смыслит в делах, ну ничегошеньки! Ха-ха-ха! Вы только подумайте, роман Голсуорси! Это очень смешно, ста-

рина! Ха-ха! – Он с большим трудом наконец успокоился. – Но мы ведь не должны тратить драгоценное время мистера Россетера? – заключил он свирепо.

Подавляя приступ озорства, овладевший им, Кадоган кивнул:

– Я прошу прощения, мистер Россетер. Дело в том, что я иногда пишу маленькие вещицы для Би-би-си и люблю предварительно испытывать их на людях.

Мистер Россетер не ответил, его темные глаза глядели настороженно.

– Да, – продолжал Кадоган серьезно. – Итак, мистер Россетер, я слышал только голые факты о смерти моей кузины. Ее кончина была, надеюсь, мирной?

– По правде говоря, – сказал мистер Россетер, – нет. – Силуэт Россетера, стоявшего позади старомодного бюро с выдвижной крышкой, четко вырисовывался на фоне окна, выходящего на Корнмаркет. – Она попала под автобус.

– Как Савонарола Браун³⁵, – вставил Фен с заинтересованным видом.

– В самом деле? – резко ответил мистер Россетер, как будто подозревая, что из него хотят выудить опасное признание.

– Печально слышать это, – сказал Кадоган, пытаясь придать своему голосу сочувственные интонации. – Хотя, заметьте, – добавил он, чувствуя, что не удалась эта попытка, – я видел ее всего раз или два в жизни, так что известие о ее смерти не стало для меня таким уж потрясением. «Когда умру я, ты скорби не долее, чем будет возвещать унылый звон»³⁶, – вот так...

– Конечно, конечно, – некстати вставил Фен.

– Нет, я буду откровенен с вами, мистер Россетер, – продолжал Кадоган, – моя кузина была богатой женщиной, и у нее было мало родственников. Что касается завещания... – Тут он деликатно замолчал.

– Итак, боюсь, что должен разочаровать вас в этом вопросе, мистер... э-э-э... Кадоган. Мисс Снейт оставила все свое довольно значительное состояние своей ближайшей родственнице – некой мисс Эмили Тарди.

Кадоган резко вскинул на него глаза:

– Разумеется, мне знакомо это имя.

– Довольно значительное состояние, – с удовольствием объявил мистер Россетер, – где-то около миллиона фунтов. – Он окинул взглядом своих посетителей, наслаждаясь произведенным эффектом. – Большие суммы, естественно, были поглощены недвижимостью и налогами на наследство. Но более половины от первоначальной суммы осталось. К сожалению, мисс Эмили Тарди больше не может предъявить свои права на нее.

Кадоган удивился:

– Больше не может?

– Условия завещания весьма своеобразны, если не сказать более, – мистер Россетер опять протер очки. – Я не против того, чтобы рассказать джентльменам о них, так как завещание утверждено, и вы можете найти все детали без моей помощи в Сомерсет-Хаусе³⁷. Мисс Снейт была эксцентричной старой леди, я бы сказал, очень эксцентричной. У нее было сильно развито чувство э... родственных уз, и более того, она обещала оставить свое состояние ближайшей живой родственнице, мисс Тарди. Но в то же самое время она была женщиной, э... как бы это сказать... старомодных взглядов и не одобряла образ жизни своей племянницы: ее пристрастие к путешествиям и долговременному проживанию на континенте. В результате она добавила странное условие в свое завещание: я должен был с определен-

³⁵ «Савонарола Браун» – рассказ из сборника «Семь мужчин» М. Бирбома (1872–1956), английского писателя, эссеиста, художника-карикатуриста.

³⁶ Начало сонета 71 Шекспира. Пер. А. Шаракишана.

³⁷ Сомерсет-Хаус – здание в Лондоне, где в разное время располагались различные правительственные организации. Во время действия повести Криспина там, в частности, была Центральная контора регистрации актов гражданского состояния.

ной регулярностью давать объявления для мисс Тарди в английских газетах, но не в газетах на континенте, и если в течение шести месяцев со дня смерти мисс Снейт мисс Тарди не заявит о своих правах на наследство, она автоматически потеряет его. Таким образом мисс Снейт хотела наказать мисс Тарди за ее образ жизни и за ее пренебрежительное отношение к тетушке, с которой, как я полагаю, она не общалась в течение многих лет, и при этом, строго говоря, не нарушить своего обещания. Джентльмены, период в шесть месяцев пришел к окончанию в прошлую полночь, а мисс Тарди так и не вышла на связь.

Воцарилось долгое молчание. Затем Фен нарушил его:

– А состояние?

– Оно полностью уйдет благотворительному фонду.

– Благотворительному фонду! – воскликнул Кадоган.

– Я бы сказал: разным благотворительным фондам. – Мистер Россетер, который до сих пор разговаривал стоя, уселся на свой вращающийся стул за столом. – Собственно говоря, я как раз был занят подробностями управления, когда вы вошли; мисс Снейт назначила меня своим душеприказчиком.

Кадогана охватило отчаяние. Если только Россетер не лгал, великолепный мотив преступления ускользнул у них из-под носа. Благотворительные организации не убивают пожилых незамужних женщин, чтобы завладеть их пожертвованиями.

– Таково, стало быть, положение, джентльмены, – резко произнес мистер Россетер. – А сейчас, надеюсь, вы простите меня, – он сделал нетерпеливый жест, – у меня куча дел.

– Еще один вопрос, будьте так добры, – прервал его Фен. – Или целых два вопроса вот только что пришли мне в голову: вы когда-нибудь видели мисс Тарди?

Кадогану показалось, что стряпчий прятал глаза от Фена.

– Однажды. Очень волевая и высоконравственная личность.

– Понимаю. И вы поместили объявление в «Оксфорд мейл» позавчера.

Мистер Россетер рассмеялся.

– А, вы об этом? Оно не имеет никакого отношения ни к мисс Снейт, ни к мисс Тарди, уверяю вас. Видите ли, я не так уж непопулярен, – при этих словах он осклабился с фальшивой игривостью, – чтобы иметь лишь одного клиента.

– Странное объявление.

– Да, странное, не правда ли? Но, боюсь, я обману доверие клиента, если объясню, в чем дело. А сейчас, джентльмены, если я когда-нибудь смогу быть вам полезным...

Диккенсовский клерк проводил их к выходу. Когда он удалился, Кадоган сказал с улыбкой горькой иронии:

– Моя единственная троюродная сестра. Миллионерша! И она не оставила мне ничего, даже книги юмористических стихов, – добавил он, вспомнив рассказ миссис Уитли об этом увлечении миссис Снейт. – Да, жесток этот мир!

Жаль, что, произнеся эти слова, он не оглянулся. Потому что лицо мистера Россетера, внимательно смотревшего ему вслед, приобрело странное выражение.

Мягкие лучи солнца встретили их, когда они вышли на многолюдную улицу. Студенты на велосипедах лавировали между застрявшими в пробке машинами и автобусами, а оксфордские домашние хозяйки отправились за покупками.

– Как ты думаешь, он говорил правду? – спросил Кадоган.

– Мы, может быть, и узнали бы, – ответил обиженно Фен, пока они проталкивались через толпу, запрудившую тротуар, – если бы ты не повел себя как пациент, вырвавшийся на волю из сумасшедшего дома.

– Но ты не должен был неожиданно превращать меня в самозванца. Заметь одну вещь: самое интересное, похоже, касается теперь не мисс Тарди, а мисс Снейт и ее миллионов.

– Ну, на мой взгляд, самое интересное касается мистера Россетера.

– Каким образом?

– Видишь ли, – Фен натолкнулся на женщину, которая внезапно остановилась перед ним, заглядевшись на витрину магазина, – видишь ли, – продолжил он, – любой обычный стряпчий, если бы два совершенно незнакомых субъекта ворвались в его контору и потребовали подробности частных дел его клиента, просто-напросто вышвырнул бы их вон. Почему мистер Россетер был так откровенен и так разговорчив? Не потому ли, что все, что он сказал, было лишь нагромождением лжи? Но, по его собственному, совершенно верному замечанию, мы можем проверить все сказанное им в Сомерсет-Хаусе. И все же я не верю мистеру Россетеру.

– Что ж, тогда я иду в полицию, – сказал Кадоган. – Чего я терпеть не могу, так это книги, герои которых не идут с повинной, когда у них нет ни малейшей причины откладывать это.

– У тебя есть веская причина не торопиться.

– Какая же?

– Пабы открыты, – ответил Фен с видом человека, после долгой ночи узревшего утреннюю зарю над холмами, – пойдем выпьем, пока мы не успели совершить ничего опрометчивого.

Глава 4

Случай с негодующим джейнистом³⁸

– И в результате, – резюмировал Кадоган, – мы остаемся там же, где начали. – Они сидели в баре «Булавы и Скипетра». Фен потягивал виски, Кадоган – пиво. «Булава и Скипетр» – большая и весьма неприглядная гостиница в самом центре Оксфорда, соединившая в себе без зазрения совести все архитектурные стили, какие человечество успело изобресть с первобытных времен. Но, вопреки этому изначальному изъяну, она благородно сражается за создание атмосферы домашнего уюта и комфорта. Бар – превосходный образец готики в стиле Струберри-Хилл³⁹.

Было всего четверть двенадцатого утра, и мало кто в это время пил. Молодой человек с крючковатым носом и большим ртом разговаривал с барменом о лошадях. Другой юноша, в роговых очках, с длинной шеей, погрузился в чтение «Аббатства кошмаров»⁴⁰. А бледный неряшливый студент с растрепанными рыжими волосами беседовал о политике с девицей серьезного вида в темно-зеленом джерси.

– Итак, вы видите, – говорил он, – таким способом богатые классы, спекулируя на фондовой бирже, разоряют миллионы бедных инвесторов.

– Но, наверное, бедные инвесторы тоже играли на фондовой бирже.

– О нет, это совсем другое дело...

Мистер Хоскинс, еще более, чем обычно, похожий на большого печального бордоского дога, сидел за столиком с красивой смуглой девушкой по имени Мириам.

– Но, дорогой, – говорила Мириам, – будет просто ужасно, если прокторы⁴¹ застанут меня здесь. Ты ведь знаешь, они отчисляют из университета женщин, если застают их в барах.

– Прокторы никогда не приходят по утрам, – ответил мистер Хоскинс, – и ты ничуть не похожа на студентку. А сейчас просто успокойся. Смотри, у меня для тебя есть шоколадные конфеты! – с этими словами он достал из кармана коробку.

– О, ну какой же ты лапочка...

Последним из присутствующих посетителей бара был мужчина лет пятидесяти с кроличьим лицом, плотно закутанный в пальто и шарфы; он сидел в одиночестве, потребляя несколько больше спиртного, чем было бы ему полезно.

Фен и Кадоган обсуждали известные им факты, это были результаты расследования по сведениям Кадогана. В сухом остатке этих фактов оказалось безнадежно мало.

1. Бакалейную лавку на Иффли-роуд ночью кто-то превратил в магазин игрушек, а затем опять в бакалейную лавку.

2. Мисс Тарди была найдена там мертвой, а впоследствии ее тело исчезло.

3. Богатая тетка Эмили Тарди, мисс Снейт, попала под автобус шесть месяцев назад, оставив наследство мисс Тарди на таких условиях, которые вряд ли позволили бы племяннице узнать об этом наследстве, если мистер Россетер говорил правду.

³⁸ Джейнист – последователь культа Джейн Остен.

³⁹ Готика в стиле Струберри-Хилл – появление этого стиля связывают с именем четвертого графа Орфорд, Х. Уолпола – английского писателя, издавшего в 1764 г. «готический» роман, действие которого происходит в средневековом замке, описание которого навеяно именем графа, называвшегося «Струберри-Хилл».

⁴⁰ «Аббатство кошмаров» – сатирический роман английского писателя Т.Л. Пиккока (1785–1866).

⁴¹ Проктор – университетский инспектор.

– И я предполагаю, – сказал Фен, – что ему запретили сообщить об этом непосредственно по какому-либо известному адресу мисс Тарди. Кстати, я хотел спросить тебя: ты вообще-то прикасался к телу?

– Да, в некотором роде.

– Ну и каково оно было на ощупь?

– Каково?

– Да, да, – нетерпеливо поторопил Фен. – Холодное? Окоченевшее?

Кадоган задумался:

– Да, оно, несомненно, было холодным, но не уверен, что окоченевшим. По правде говоря, уверен, что не было, потому что ее рука упала, когда я подвинул ее, чтобы взглянуть на голову, – при этом воспоминании его передернуло.

– Вряд ли это сильно поможет нам, – задумчиво произнес Фен, – но резонно предположить, судя по известным нам фактам, что она была убита до того самого ведовского⁴² и важного для нас часа полуночи. А это, в свою очередь, позволяет предположить, что она на самом деле видела объявление и, возможно, обратилась к мистеру Россетеру. Следовательно, опять-таки предположительно, мистер Россетер лгал. И все это становится очень странным, потому что в таком случае вряд ли мистер Россетер убил ее.

– Почему?

– Ты согласен, что человек, который стукнул тебя по голове, и был убийцей?

– Да, Сократ.

Фен бросил на Кадогана свирепый взгляд и сделал глоток виски.

– И в таком случае он хорошо разглядел тебя?

– Ладно, ладно, согласен.

– Хорошо, предположим, что мистер Россетер убийца. Он узнает тебя, когда ты являешься в его контору, знает, что ты видел тело, и он в ужасе, когда ты наводишь справки о тетушке убитой женщины и о самой убитой. И что он делает? Он дает подробные сведения о сумме, оговоренной в завещании, которое мы можем проверить, а затем – затем, заметь, – говорит, что у него не было никаких вестей от мисс Тарди, зная, что ты просто не поверишь ему после того, что видел своими глазами. Ergo⁴³, он не узнал тебя. Ergo, он не бил тебя по голове. Ergo, он не был убийцей.

– Довольно умно, – нехотя согласился Кадоган.

– Совсем не умно, – проворчал Фен. – Это дает протечку в каждом сочленении, как паровоз Эмметта⁴⁴. Во-первых, мы не знаем, был ли убийцей человек, стукнувший тебя по голове, а во-вторых, вся эта чушь о завещании могла быть просто-напросто ложью. Есть и другие явные пробелы. Возможно, мисс Тарди вообще была убита не в магазине игрушек. Но в таком случае зачем ее тело несут туда и затем уносят его? Все как-то шиворот-навыворот, и мы слишком мало знаем, чтобы составить определенное мнение.

Восхищение Кадогана отчасти померкло. Он мрачно взирал на вновь прибывших в бар, опустошив свою кружку пива.

– Ну, хорошо. Что же нам теперь делать?

Возможное направление их действий после обсуждения заключалось в четырех пунктах:

1. Попытаться найти тело (невозможно).
2. Расспросить мистера Россетера снова (маловероятно).

⁴² Шекспир У. Гамлет. Акт 3. Сцена 2. «Сейчас тот самый ведовской час ночи...»

⁴³ Следовательно (лат.).

⁴⁴ Эмметт Ф. Р. (1906–1990) – английский карикатурист, сотрудник журнала «Панч», конструктор кинетических скульптур.

3. Получить дополнительную информацию о мисс Элис Уинкворт, владелице заведения «Торговый дом Уинкворт. Бакалея и продукты» (возможно).

4. Позвонить другу Фена в Сомерсет-Хаус и детально проверить завещание мисс Снейт (возможно и необходимо).

– Но что касается меня, – заявил Кадоган, – я иду в полицию. Мне до смерти надоело метаться, а кроме того, у меня все еще чертовски болит голова.

– Ну ладно, может быть, ты все-таки подождешь минутку, пока я допью свой виски? – спросил Фен. – Я не собираюсь страдать из-за твоей жалкой и нудной сознательности.

До сих пор они говорили приглушенными голосами, и теперь он мог позволить себе повысить голос. Кроме того, Фен уже выпил достаточное количество виски. Его покрасневшее, веселое лицо становилось все краснее и веселее: волосы встали дыбом с неудержимой энергией; длинный, тонкий, он ерзал на стуле, шаркал ногами и улыбался лучезарной улыбкой, глядя на сумрачно-надменное лицо Ричарда Кадогана, теперь приобретшее особенно унылое выражение.

– ...И, наконец, частные школы, – молодой человек с рыжими волосами распалился не на шутку. Читатель, с головой погружившийся в чтение «Аббатства кошмаров», устало поднял взгляд от книги при упоминании этой навязшей в зубах темы; личность с крючковатым носом у бара продолжала свою непрерывную речь о лошадях.

– Частные закрытые школы порождают грубое, снобистское самосознание причисления себя к правящему классу.

– Но разве ты не учился в одной из них?

– Да, но, видишь ли, я стряхнул это с себя.

– В таком случае другие разве нет?

– О нет! Это у них на всю жизнь. Только исключительные люди способны освободиться от скверны.

– Понимаю.

– Дело в том, что вся экономическая система нации должна быть реорганизована...

– Ну вот, и не беспокойся насчет прокторов, – продолжал успокаивать свою спутницу мистер Хоскинс, – нечего бояться. Давай съедим еще по одной шоколадке.

– Кстати, мы могли бы сыграть в какую-нибудь игру пока, – предложил Фен, у которого еще оставалось довольно много виски в стакане. – Гадкие персонажи в художественной литературе. Омерзительность персонажа должна быть бесспорна для обоих игроков, на то, чтобы выбрать подходящего персонажа, игроку дается пять секунд. Если он не может, то пропускает ход. Тот, кто первым пропустит три хода, проигрывает. Считаются только персонажи, которых автор хотел сделать симпатичными.

Кадоган что-то пробурчал в ответ, но в этот момент в бар вошел университетский проктор. Прокторы назначаются из числа донов по очереди; они обходят бары в сопровождении низкорослых коренастых мужчин, которых называют буллерами⁴⁵, облаченных в синие костюмы и шляпы-котелки. Членам университета *in statu pupillari*⁴⁶ не разрешено посещать питейные заведения, и поэтому основное занятие буллеров состоит в том, чтобы ходить с угрюмым видом из бара в бар, допытываться у посетителей, не студенты ли они, и записывать имена тех, кто ответил на этот вопрос положительно, а впоследствии штрафовать их. Эта процедура, выполняемая без особого энтузиазма, не влечет за собой сколько-нибудь значительного ущерба репутации провинившегося.

– Боже! – прошептала смуглая Мириам.

Самопровозглашенный реорганизатор государственных финансов ужасно побледнел.

⁴⁵ Буллер – помощник проктора.

⁴⁶ В статусе студента (*лат.*).

Мистер Хоскинс заморгал.

Молодой человек в очках еще глубже погрузился в чтение «Аббатства кошмаров».

Человек с крючковатым носом, которого бармен толкнул локтем в бок, перестал разглагольствовать о лошадях.

Только Фен не шелохнулся.

– Вы член этого университета? – весело закричал он, обращаясь к проктору. – Эй, Уискерс! Вы член этого университета?

Проктор вздрогнул. Это был (как это свойственно донам) моложавый человек, отравивший пару огромных кавалерийских усов во время Первой мировой войны и ни за что не желавший сбрить их. Он бегло осмотрел помещение, старательно избегая взгляда Фена, а затем вышел.

– О-о! – со вздохом облегчения сказала Мириам.

– Он не узнал тебя, не правда ли? – сказал мистер Хоскинс. – Вот, съешь еще шоколадку.

– Видите? – негодуя произнес рыжеволосый юноша, дрожащими руками поднимая свою полупинту эля, – даже капиталистические университеты управляются террористическими методами.

– Ну, давай продолжим нашу игру, – предложил Фен. – На старт, внимание, марш!

– Эти ужасные болтуны, Беатриче и Бенедикт⁴⁷.

– Хорошо. Леди Чаттерлей и тот егерь⁴⁸.

– Бритомарта в «Королеве фей»⁴⁹.

– Хорошо. Почти все персонажи Достоевского.

– Хорошо. Э... Э-э...

– А, попался! – победно воскликнул Фен. – Ты пропускаешь свой ход. Эти вульгарные охотницы за мужчинами, кокетки в «Гордости и предубеждении».

Услышав этот торжествующий вопль, закутанный, похожий на кролика человек за соседним столиком нахмурился, встал и на шатких ногах приблизился к ним.

– Сэр, – вмешался он в разговор в тот момент, когда Кадоган предложил Ричарда Февелера⁵⁰, – мне показалось, или я действительно слышал, как вы непочтительно отзывались о бессмертной Джейн?

– Собиратель пиявок⁵¹, – произнес Фен, делая безуспешную попытку продолжить игру. Тем не менее он оставил ее и обратился к незваному пришельцу: – Послушайте, мой дорогой друг, вы немного подвыпили?

– Я совершенно трезв, благодарю вас. Большое спасибо. – Кроликообразный человек принес свою выпивку, придвинул свой стул и уселся рядом с ними. Одной рукой он прикрыл глаза, как будто от боли. – Не надо, умоляю вас, отзываться неуважительно о мисс Остен. Я прочел все ее романы много-много раз. Их доброта наполнена дыханием высокой и прекрасной культуры, их тонкий пронизательный психологизм... – Тут он немного помедлил, не находя нужных слов, и залпом осушил свой бокал.

У него было слабавольное, тонкое лицо, зубы выступали, как у грызуна, покрасневшие глаза, бесцветные кустистые брови и низкий лоб. Несмотря на теплое утро, он был одет самым необычным образом: меховые перчатки, два шарфа и, по-видимому, несколько пальто.

⁴⁷ Беатриче и Бенедикт – персонажи пьесы Шекспира «Много шума из ничего».

⁴⁸ Герои романа «Любовник леди Чаттерлей» Д.Г. Лоуренса.

⁴⁹ Бритомарта – дева-рыцарь, персонаж неоконченной поэмы «Королева фей» Э. Спенсера (1552–1599).

⁵⁰ «Испытание Ричарда Февелера» – роман английского писателя Дж. Мередита (1828–1909).

⁵¹ Собиратель пиявок – герой стихотворения У. Вордсворта.

В ответ на изумленный, изучающий взгляд Кадогана кроликообразный мужчина сказал, стараясь соблюсти чувство собственного достоинства:

– Я очень чувствителен к холоду, сэр, а осенняя прохлада... – Тут он прервал свою речь в поисках носового платка и высморкался с трубным звуком. – Я надеюсь, что вы, джентльмены, не возражаете против моего присутствия?

– Нет, возражаем, – раздраженно ответил Фен.

– Не будьте суровы, прошу вас, – умоляюще сказал кроликообразный человек. – Этим утром я так счастлив, так счастлив. Позвольте мне угостить вас. У меня куча денег... Официант! – Официант подошел к их столику. – Два больших виски и пинту горького пива.

– Послушай, Джервейс, я действительно должен идти, – тревожно заметил Кадоган.

– Не уходите, сэр. Оставайтесь и разделите со мной мою радость! – Человек, похожий на кролика, был, несомненно, очень пьян. Он с таинственным видом наклонился к ним и, понизив голос, сказал: – Этим утром я избавился от своих мальчишек.

– А! – ответил Фен без всякого удивления. – И как же вы поступили с их маленькими трупиками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.